

A romantic scene from the TV series 'Bridgertons'. A man and a woman are in a lush garden. The woman, with reddish-brown hair, wears a green dress and white gloves, sitting on a purple chair. The man, with dark hair, wears a light-colored vest and a purple scarf, standing behind her. The background is a misty garden with topiary and flowers.

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

НА ПУТИ К СВАДЬБЕ

Читайте книги – смотрите сериал!

Джулия Куин
На пути к свадьбе
Серия «Бриджертоны», книга 8
Серия «Бриджертоны и другие»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162721

На пути к свадьбе: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; М.; 2023

ISBN 978-5-17-154680-9

Аннотация

Очаровательная Люсинда, леди Абернети, задумала во что бы то ни стало выдать свою подругу за благородного Грегори Бриджертона, но та любит другого... Ничего, разлюбит! Однако что делать Люсинде, которая, похоже, сама теряет голову от Грегори? Перестать с ним встречаться? Это выше ее сил! Разорвать собственную помолвку и обрушить на мистера Бриджертона всю силу своего очарования? Что ж, может быть... А между тем Грегори уже начинает пылать страстью к Люси...

Содержание

Пролог	5
Глава 1, в которой наш герой влюбляется	9
Глава 2, в которой наша героиня демонстрирует явный недостаток уважения ко всему романтическому	27
Глава 3, в которой наш герой предпринимает очень-очень большие усилия	51
Глава 4, в которой наша героиня дает совет, наш герой следует ему и все обедаются пирогами	73
Глава 5, в которой наши герой и героиня ведут довольно занимательную беседу	93
Глава 6, в которой наш герой делает кое-какие успехи	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Джулия Куин

На пути к свадьбе

Julia Quinn

ON THE WAY TO THE WEDDING

© Julie Cotler Pottinger, 2006

© Перевод. М. Павлычева, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Пролог

Лондон, недалеко от церкви Святого Георгия, Ганновер-сквер

Лето 1827 года

Легкие жгло огнем.

Грегори Бриджертон бежал по улицам Лондона, не замечая удивленных взглядов прохожих.

В его движениях присутствовал какой-то странный, мощный ритм: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, – и этот ритм гнал его вперед, к тому, на чем было сосредоточено его внимание.

К церкви.

Нужно поскорее добраться до церкви.

Нужно остановить венчание.

Сколько он уже бежит? Две минуты? Десять?

Надо поскорее добраться до церкви. Он не мог думать ни о чем другом. Он запрещал себе думать о чем-то другом. Он должен...

Проклятье! Дорогу преградил выехавший экипаж, и Грегори пришлось остановиться. Согнувшись, упершись руками в бедра – не потому, что так хотелось ему, а потому, что этого требовало его тело, – он стал судорожно заглатывать воздух в надежде облегчить резкую боль в груди, это ужас-

ное, сжигающее, раздирающее ощущение, будто...

Экипаж проехал мимо, и Грегори побежал дальше. Уже недалеко. Он успеет. С того момента, как он побежал прочь от особняка, прошло не больше пяти минут. Ну, может, шести. А кажется, что полчаса.

Надо все это остановить. Он обязан все остановить.

Грегори немного замедлил бег, чтобы взбежать по ступенькам и при этом не споткнуться и не рухнуть лицом вниз. Затем он рывком распахнул дверь – как можно шире – и не услышал, как она громко стукнулась о внешнюю стену. Наверное, ему следовало бы остановиться перед дверью и отдышаться. Наверное, ему следовало бы войти в церковь тихо и спокойно и потратить несколько мгновений на оценку ситуации, на то, чтобы понять, как далеко они продвинулись.

В церкви воцарилась полнейшая тишина. Священник оборвал свою нудную речь, а все присутствующие, буквально закрутившись винтом, повернулись к двери.

И обратили свои взоры на Грегори.

– Не надо. – Он задышался, поэтому его слова прозвучали еле слышно.

Цепляясь за спинки скамей, он сделал несколько шагов по проходу.

– Не делай этого, – уже громче произнес он.

Она промолчала, но Грегори хорошо разглядел ее реакцию. Как у нее от изумления приоткрылся рот. Как ее пальцы разжались, и свадебный букет упал на пол. А еще он уви-

дел – совершенно отчетливо, – что она затаила дыхание.

Она была безумно красива. Ее золотистые волосы, казалось, вобрали в себя дневной свет и сияли, и это сияние наполняло его силой. Продолжая учащенно дышать, он расправил плечи и выпустил спинку скамьи – ему больше не нужна опора, дальше он пойдет сам.

– Не делай этого, – снова проговорил он, направляясь к ней. Каждое его движение было пронизано грацией хищника – такая грация обычно характеризует мужчин, которые знают, чего хотят.

И знают, что будет дальше.

Она продолжала молчать. Молчали все. И это было странно. Чтобы из трехсот присутствующих на церемонии ни один не произнес ни слова! И провожали его глазами, пока он шел по проходу.

– Я люблю тебя, – признался он перед всеми.

И что из того, что перед всеми? Он все равно не стал бы держать это в тайне. Он не позволил бы ей выйти за другого без того, чтобы весь мир не узнал, что она владеет его сердцем.

– Я люблю тебя, – повторил Грегори и краешком глаза увидел своих мать и сестру. Они сидели на скамье выпрямившись и замерев от удивления.

Он продолжал идти. Вперед. И каждый его шаг был увереннее предыдущего.

– Не делай этого, – сказал он, приближаясь к апсиде. – Не

выходи за него.

– Грегори, – прошептала она, – зачем ты так?

– Я люблю тебя, – ответил он, потому что это было единственным, о чем стоило говорить. И единственным, что имело значение.

Ее глаза заблестели, и он увидел, как она судорожно дернула подбородком. Затем она перевела взгляд на мужчину, за которого собиралась выйти замуж. Вздернув брови, мужчина еле заметно покачал головой и пожал... нет, просто слегка двинул одним плечом, как бы говоря: «Решать тебе».

Грегори опустил на колено.

– Выходи за меня замуж, – сказал он, вкладывая в эти слова всю свою душу. – Будь моей женой.

И затаил дыхание. Вся церковь затаила дыхание.

Она опять перевела взгляд на него. Ее глаза были огромными и ясными, и все хорошее и правильное, о чем он так страстно мечтал, отражалось в этих глазах.

– Выходи за меня, – прошептал он в последний раз.

У нее задрожали губы, но голос прозвучал звонко, когда она ответила.

Глава 1, в которой наш герой влюбляется

В отличие от большинства своих знакомых Грегори Бриджертон верил в истинную любовь.

Он был бы полным дураком, если бы не верил.

Взять, к примеру, его старшего брата Энтони, его старшую сестру Дафну, его других братьев, Бенедикта и Колина, не говоря уж о сестрах Элоизе, Франческе и Гиацинте: все они – абсолютно все – были без ума от своих вторых половинок.

У большинства мужчин такое положение вещей вызвало бы лишь раздражение, но для Грегори, который родился с необыкновенно жизнерадостным и даже (по словам его младшей сестры) неугомонным характером, это значило только то, что у него нет иного выхода, кроме как верить очевидному.

Любовь существует.

Она вовсе не являлась призрачным порождением воображения, предназначенным для того, чтобы уберечь поэтов от голодной смерти. Хотя ее нельзя было увидеть, унюхать или потрогать, она всегда присутствовала в жизни людей, и для Грегори было просто вопросом времени, когда он встретит женщину своей мечты и остепенится, чтобы плодиться и размножаться и иметь такие загадочные хобби, как изго-

товление всякой всячины из папье-маше или коллекционирование терок для мускатного ореха.

Однако, если выразаться деликатно, что вполне приемлемо при обсуждении столь абстрактных понятий, его мечты не были обращены к женщине. Вернее, не к какой-то определенной представительнице женского пола, наделенной специфическими и узнаваемыми чертами. Он ничего не знал о «своей женщине», о той, которой предстояло полностью изменить его жизнь и превратить его самого в столп скуки и респектабельности. Он не знал, будет она маленькой или высокой, темно- или светловолосой. Ему хотелось думать, что она будет отличаться умом и тонким чувством юмора. А какими еще качествами она будет обладать – разве он мог это знать? Возможно, она окажется застенчивой. Или прямолинейной. И будет любить петь. Или не любить. А может, это будет самая настоящая «лошадница» с лицом, обветренным в результате долгого пребывания на свежем воздухе.

Он не знал. Когда заходила речь об этой женщине – этой невероятной, замечательной и в данный момент несуществующей женщине, – он с твердой уверенностью мог сказать, что, когда встретит ее...

Обязательно узнает.

Он не представлял, как именно ее узнает, просто знал, и все. Произойдет нечто важное, нечто эпохальное, нечто такое, что перевернет жизнь... ну, в общем, нечто, что громко заявит о своем существовании. Оно ворвется в его жизнь

стремительно и мощно, обрушится, как вошедший в поговорку таран. Один только вопрос – когда?

А пока, в предвкушении ее появления, у Грегори не было причин отказываться от приятного времяпрепровождения. В конце концов, он же не обязан вести себя как монах, ожидая появления своей истинной любви.

По всеобщему мнению, Грегори был совершенно типичным лондонским денди с достаточным – хотя ни в коей мере не исключительным – денежным содержанием, множеством друзей и рассудительностью, помогающей вовремя встать из-за игорного стола. На «брачном рынке» его считали если не отборной (четвертые сыновья редко пользуются повышенным вниманием), то вполне приличной партией, и он всегда был востребован, когда у светских матрон возникала надобность в подходящем кандидате для выравнивания количества гостей мужского и женского пола на званых вечерах.

Что чуть-чуть увеличивало его шансы и было еще одним преимуществом.

Возможно, ему стоило бы придать себе больше целеустремленности. Дать своего рода направление. Или даже поставить перед собой важную задачу. Но это может подождать, не так ли? Скоро – и он был в этом уверен – все прояснится. Он узнает, чем хочет заниматься и кто поможет ему в этом, а пока он...

Проводил время не очень приятно. Во всяком случае, в

настоящее время.

Поясним.

В настоящий момент Грегори сидел в кожаном кресле, причем вполне удобном. Нельзя отрицать, что ощущение комфорта вызывало мечтательное настроение, и по этой причине он вполне равнодушно воспринимал слова брата, который стоял примерно в четырех футах от него и бубнил о том о сем, при этом в его речи постоянно мелькали слова «долг» и «ответственность».

А Грегори не любил слушать моральные наставления.

Нет, иногда, конечно, слушал, но...

– Грегори?... Грегори!

Грегори поднял глаза и заморгал. Энтони сложил руки на груди, а это было недобрым знаком. Энтони являлся виконтом Бриджертоном и был таковым уже более двадцати лет.

– Приношу свои извинения за то, что ворвался в ход твоих мыслей, – сухо проговорил Энтони. – Ты слышал что-нибудь – ну хоть что-нибудь – из того, что я сказал?

– Об усердии, – ответил Грегори и, придав своему лицу достаточно серьезности, кивнул. – О направлении.

– Вот именно, – воскликнул Энтони, и Грегори поздравил себя с вдохновенным исполнением роли. – Тебе давно уже следовало бы наконец определиться с направлением своей жизни.

– Конечно, – пробормотал Грегори.

Он согласился с ним главным образом потому, что был

ужасно голоден, а время ужина уже миновало. И еще он слышал, как его невестка сервировала в саду стол с прохладительными напитками. Кроме того, спорить с Энтони было бессмысленно. Абсолютно.

– Ты должен изменить свою жизнь. Выбрать новый курс.

– Действительно.

Может, к напиткам подадут сэндвичи. Он мог бы слопать штук сорок этих забавных крохотных бутербродиков с хрустящей корочкой.

– Грегори!

Голос Энтони приобрел специфические интонации. И Грегори понял, что настало время включить внимание.

– Хорошо, – сказал он. Его всегда удивляло, как это коротенькое слово способно избавить человека от произнесения целого предложения. – Полагаю, я примкну к духовенству.

Это сразило Энтони наповал. Насмерть. Грегори молчал, смакуя момент. Жаль только, если ему и в самом деле придется стать викарием.

– Прошу прощения? – наконец пробормотал Энтони.

– Как будто у меня есть выбор, – сказал Грегори. Как только слова прозвучали, он сообразил, что сейчас впервые произнес их. И от этого они сделались более реальными. – Карьера военного или священника, – продолжил он. – А здесь следует добавить, что я чудовищно плохой стрелок.

Энтони ничего не сказал. Оба знали, что это правда.

После непродолжительного неловкого молчания Энтони

проговорил:

– Есть еще сабли.

– Да, но при моей удачливости меня обязательно отправят в Судан. – Грегори пожал плечами. – Я не очень привередлив, но там действительно слишком жарко. А ты хотел бы туда?

Энтони ответил без колебаний:

– Нет, естественно, нет.

– А еще есть мама, – добавил Грегори, начиная получать удовольствие от ситуации.

Повисла пауза. Потом:

– А при чем тут... она?

– Вряд ли она обрадуется, если меня направят туда, и тогда тебе, не забывая об этом, именно тебе придется держать ее за руку, когда она начнет волноваться или когда ей приснится кошмар о...

– Больше ни слова, – перебил его Энтони.

Грегори позволил себе мысленно улыбнуться. Конечно, это было нечестно по отношению к матери, которая, кстати сказать, никогда не имела склонности предрекать будущее на основе столь эфемерного явления, как сон. Однако она действительно категорически возражала бы против его отъезда в Судан, и Энтони действительно пришлось бы выслушивать ее сетования по этому поводу.

А так как Грегори очень не хотелось покидать туманные берега Англии, то вопрос был решен.

– Хорошо, – сказал Энтони. – Хорошо. Я очень рад, что между нами наконец-то состоялся этот разговор.

Грегори бросил взгляд на часы.

Энтони откашлялся. Когда он заговорил, в его голосе зазвучало нетерпение:

– И что ты наконец-то задумался о своем будущем.

У Грегори на скулах заиграли желваки.

– Между прочим, мне всего лишь двадцать шесть, – недовольно напомнил он. – Я еще достаточно молод для слишком частого повторения слова «наконец-то».

Энтони многозначительно изогнул бровь.

– Так мне связаться с архиепископом? Поговорить с ним о том, чтобы тебе подыскали приход?

Неожиданно на Грегори напал приступ кашля.

– Э нет, – переведя дух, ответил он. – Во всяком случае, пока.

У Энтони дернулся уголок рта. Слегка, совсем незаметно и отнюдь не вверх, чтобы потом растянуться в улыбку.

– Ты мог бы жениться, – тихо проговорил он.

– Мог бы, – согласился Грегори. – И женюсь. Я действительно собираюсь жениться.

– Правда?

– Когда найду подходящую жену. – Увидев на лице Энтони сомнение, он добавил: – Уверен, что ты первый посоветовал бы мне жениться по любви, а не по расчету.

Энтони был одержим собственной женой, которая, в свою

очередь, была одержима им. Энтони также был всем сердцем предан своим семерым младшим братьям и сестрам, поэтому для Грегори не стало откровением, когда тот совершенно искренне сказал:

– Я желаю, чтобы ты так же наслаждался счастьем, как я.

От необходимости отвечать Грегори избавило громкое урчание в животе. Он сконфуженно посмотрел на брата.

– Прости, я пропустил ужин.

– Знаю. Мы ожидали, что ты приедешь пораньше.

Грегори удалось сдержаться, чтобы не поморщиться. Пока.

– Кейт немного расстроилась.

Все, хуже некуда. Если расстраивался Энтони – это было одно. Но когда он начинал утверждать, что его жену чем-то расстроили...

Именно в этот момент Грегори понял, что у него неприязности.

– Я поздно выехал из Лондона, – пробормотал он.

Это было правдой, но все равно не оправдывало его. Его ждали к ужину, а он не появился к назначенному часу. Он едва не ляпнул: «Я с ней все улажу», – но вовремя прикусил язык. Это только ухудшило бы положение, потому что могло бы создаться впечатление, будто он не воспринимает всерьез свое опоздание и намерен загладить свою оплошность улыбкой или комплиментом. В других случаях это прошло бы, но почему-то на этот раз...

Ему не хотелось решать дело таким способом.

И вместо той фразы он сказал:

– Прости меня.

Он действительно имел в виду то, что сказал.

– Она в саду, – угрюмо проговорил Энтони. – Кажется, она собиралась устроить танцы. Ты не поверишь – в патио.

Грегори вполне мог в это поверить. Все это было в духе его невестки. Она не относилась к тем, кто упускает удачные моменты. Стоит необыкновенно ясная погода – так почему бы экспромтом не организовать танцы на природе?

– Постарайся потанцевать с теми, кого она тебе назовет, – предупредил Энтони. – Кейт будет недовольна, если юные барышни почувствуют себя обделенными вниманием.

– Обязательно, – пробормотал Грегори.

– Я присоединюсь к вам через четверть часа, – сказал Энтони, возвращаясь к письменному столу, на котором его ждало несколько стопок документов. – Мне нужно кое-что закончить.

Грегори встал.

– Я передам Кейт.

Понимая, что беседа завершилась, он вышел из комнаты и поспешил в сад.

Впервые за долгое время он оказался в Обри-Холле, родовом гнезде Бриджертонов. Здесь, в Кенте, все семейство обычно собиралось на Рождество, но, по правде говоря, для Грегори поместье не было родным домом. Никогда. После

смерти отца его мать нарушила условности и выбрала местом своего круглогодичного пребывания Лондон. Она никогда об этом не говорила, но Грегори всегда подозревал, что с изящным старым особняком у нее было связано слишком много воспоминаний.

Поэтому Грегори чувствовал себя гораздо свободнее в городе, чем за городом. Домом его детства был лондонский Бриджертон-Хаус, а не Обри-Холл. Нет, он с удовольствием приезжал сюда и становился участником типичных деревенских развлечений, например катания верхом или заплывов на время (когда вода в озере была достаточно теплой, чтобы в нее окунуться). К тому же, как это ни странно, ему доставляло удовольствие менять жизненный ритм. После месяцев, проведенных в городе, ему нравилось дышать спокойным и чистым воздухом деревни.

А еще ему нравилось то, что он мог уехать, когда воздух начинал казаться слишком спокойным и чистым.

Вечерний прием проходил на южной лужайке – так, во всяком случае, Грегори сказал дворецкий. Эта лужайка и в самом деле была отличным местом для развлечений – с абсолютно ровной землей, с видом на озеро и с большим патио, где было расставлено множество кресел и стульев для тех, кто не отличался активностью.

Уже на подходе к длинному салону, открывавшемуся в сад, Грегори услышал гул голосов, который доносился через французские окна.

Проходя по длинному салону, Грегори втянул носом воздух, пытаясь определить, какие деликатесы приготовила Кейт. Вряд ли стол будет обильным – ведь гости уже успели наесться до отвала за ужином.

«Что-то из сладкого», – решил Грегори, когда вышел на выложенный серой плиткой патио и учуял аромат корицы. И разочарованно вздохнул. Он просто умирал с голоду, и сейчас для него райской пищей являлся бы огромный кусок мяса.

Однако он опоздал, и никто в этом не виноват, кроме него самого. А Энтони оторвал бы ему голову, если бы он немедленно не пошел к гостям, так что придется довольствоваться пирожными и бисквитами.

Легкий ветерок коснулся его кожи, когда он вышел в сад. Стояла необычайно жаркая для мая погода, и все обсуждали эту тему. Это климатическое явление было из тех, что поднимают настроение, – оно радует, удивляет и пробуждает на лицах улыбки. И действительно, создавалось впечатление, будто все гости, прогуливавшиеся по лужайке, пребывали в великолепном расположении духа. Низкий гул голосов часто нарушался взрывами смеха – раскатистого мужского и звонкого женского.

Грегори огляделся по сторонам в поисках прохладительных напитков и знакомых, в частности своей невестки Кейт. Правила приличия требовали, чтобы он в первую очередь поздоровался с ней. Взгляд Грегори скользил по лицам, и

вдруг он увидел...

Ее.

И сразу понял это. Он понял, что она та самая. Он застыл словно громом пораженный. Даже воздух перестал поступать в его легкие, вернее – стал медленно вытекать из них, пока не вытек весь. И Грегори все стоял так, опустошенный, и ему до боли хотелось дышать.

Он не смог разглядеть ни ее лица, ни профиля. Он видел только затылок, изящную линию шеи, от совершенства которой захватывало дух, один светлый локон, ниспадавший на плечо.

И мог думать только об одном – «я пропал».

Возможно, все это глупо. Возможно, все это минутное помешательство. Возможно, это одновременно и то и другое. Но ведь он ждал. Этого момента. Так долго. Ждал. И неожиданно стало ясно – почему он не выбрал карьеру военного или священника, почему не принял часто высказываемое братом предложение управлять малым поместьем Бриджертонов.

Просто он ждал. Вот и все. Черт побери, а ведь все это время он даже не подозревал, что ничего не предпринимает и ждет этого момента.

И вот он наступил.

Появилась она.

И он это понял.

Понял.

Грегори медленно пошел вперед, забыв о голоде и о Кейт. Он на ходу буркнул приветствие одному или двум знакомым, продолжая идти. Он должен добраться до нее. Он должен увидеть ее лицо, вдохнуть ее запах, услышать звук ее голоса.

И наконец он приблизился к ней на расстояние фута. Он не дышал. Охваченный благоговейным трепетом, он каким-то образом ухитрялся держаться на ногах.

А она беседовала с какой-то молодой женщиной, и, судя по их оживленному разговору, они были близкими подругами. Всего мгновение Грегори, не двигаясь, наблюдал за ними, прежде чем они обнаружили его присутствие и стали медленно поворачиваться.

Он улыбнулся. Тепло, ласково. И сказал...

– Здравствуйте. Как поживаете?

Люсинда Абернети, известная всем, кто был с ней близко знаком, под именем Люси, подавила стон и повернулась к незнакомцу, который так незаметно подкрался, чтобы строить глазки Гермионе, – ведь все, кто видел Гермиону, строили ей глазки.

Заводить знакомство с Гермионой Уотсон было смертельно опасно. Гермиона коллекционировала разбитые сердца точно так же, как старый викарий из аббатства коллекционирует бабочек.

Единственная разница заключалась в том, что Гермиона не насаживала свои жертвы на булавки. По правде говоря, Гермиона совсем не желала завоевывать сердца мужчин и

еще меньше хотела их разбивать. Просто... так получалось. Сейчас Люси к этому уже привыкла. Гермиона – это Гермиона, красавица с волосами цвета сливочного масла, очаровательным личиком и огромными зелеными глазами.

Люси же была... Гм, она не была Гермионой, это уж точно. Она была обычной и естественной, и в большинстве случаев ей этого было достаточно.

Во всем, что составляет женскую красоту, Люси чуть-чуть не дотягивала до Гермионы. Ее волосы были не такими светлыми. Она не была такой стройной. И ростом была чуть ниже. И глаза не отличались такой яркостью. Они были серо-голубыми – вполне красивый цвет, если сравнивать с другими девушками, кроме Гермионы. Но от этого легче не становилось, потому что она никогда не выезжала без Гермионы.

Люси пришла к этому ошеломляющему заключению на одном из уроков по английской литературе в Школе для незаурядных благородных девиц мисс Мосс, где они с Гермионой проучились три года.

Она чуть-чуть не дотягивает. Или, если выразиться не так прямолинейно, она просто не является совершенством.

Да, размышляла девушка, она привлекательна, она наделена той здоровой традиционной красотой, которую сравнивают с английской розой, но мужчины редко (ну ладно, никогда) теряют дар речи в ее присутствии.

А вот Гермиона... хорошо, что она такая добрая. Именно

благодаря этому с ней можно дружить.

Благодаря этому качеству, а еще тому, что она не умеет танцевать. Вальс, кадрили, менуэт – не важно. Ни один из этих танцев.

И это здорово.

Ну вот, еще один поклонник. И опять красивый. Высокий, хотя и не очень, с каштановыми волосами теплого оттенка и довольно приятной улыбкой. И с блеском в глазах, цвет которых трудно определить в сумерках. Не говоря уж о том, что его глаза вообще не видны, потому что он смотрит не на нее, а на Гермину, как и все мужчины.

Но он повел себя совершенно удивительным образом. Назвав свое имя – как она сразу по его внешности не догадалась, что он Бриджертон! – он наклонился и поцеловал руку. Именно ей.

У Люси перехватило дыхание.

Она подумала, что мистер Бриджертон использует верную тактику. Тем, что он поцеловал Гермину руку второй, он дал себе возможность подольше подержать ее пальчики в своей руке, а саму Гермину вынудил представиться.

Люси была потрясена. Его действия свидетельствовали о том, что по умственному развитию он значительно выше среднего.

– А это моя ближайшая подруга, – продолжила Гермина. – Леди Люсинда Абернети.

Она произнесла это так же, как всегда, с любовью и неж-

ностью и, возможно, с некоторой долей отчаяния, будто говоря: «Ради бога, уделите капельку внимания Люси».

Естественно, никто никогда этого не делал. Кроме тех случаев, когда хотели получить совет в отношении Гермионы – как завоевать ее сердце. Когда возникала подобная ситуация, Люси становилась нарасхват.

Мистер Бриджертон – «Мистер Грегори Бриджертон», – мысленно поправила себя Люси, так как, насколько она знала, существовало три мистера Бриджертона, не считая, естественно, виконта, – повернулся к ней и удивил ее торжествующей улыбкой и теплым взглядом.

– Как поживаете, леди Люсинда? – проговорил он.

– Замечательно, благодарю. – Люси готова была провалиться сквозь землю из-за того, что вдруг начала заикаться на «з» в слове «замечательно», но потом напредила себе, что он, как и все, больше никогда и не взглянет на нее, а будет все время таращиться на Гермиону.

Кстати, а возможно ли, чтобы он заинтересовался ею?

Нет, невозможно. Мужчины никогда ею не интересовались.

Итак, Гермиона – сирена, а Люси – ее верная подруга. И это правильно. Потому что так устроен мир. Ну, может, это не совсем правильно, но зато все события можно предсказать наперед.

– Как я понимаю, вы хозяин этого дома? – Люси наконец-то нарушила тягостное молчание, воцарившееся по-

сле того, как они обменялись обязательными «рада познакомиться с вами».

– Боюсь, нет, – ответил мистер Бриджертон. – Как бы мне ни хотелось приписать себе заслуги в устройстве этого праздника. Я живу в Лондоне.

– Вы, должно быть, очень счастливы, что у вас есть Обри-Холл, – вежливо проговорила Гермиона. – Даже несмотря на то что он принадлежит вашему брату.

И тут Люси поняла. Мистеру Бриджертону нравится Гермиона. Следует забыть о том, что он поцеловал ей руку первой или что он смотрел на нее, когда она начинала говорить, то есть делал то, что многие мужчины никогда не делали. Достаточно увидеть, как он смотрит на Гермиону, когда она заговаривает, чтобы понять, что полку ее поклонников пришло.

Его глаза подергивались пеленой. Губы приоткрывались. И во всем его облике появлялась напряженность, как будто он был готов в любую минуту подхватить Гермиону на руки и побежать с ней вниз по холму, забыв о толпе и условностях.

– Люси? Люси?

Люси слегка смутилась, сообразив, что отвлеклась от беседы. Гермиона с любопытством поглядывала на нее, изящно склонив голову. Мужчины всегда считали подобную позу очаровательной. Люси однажды попыталась повторить ее. И у нее закружилась голова.

– Да? – откликнулась она – ведь надо же было как-то от-

кликнуться.

– Мистер Бриджертон пригласил меня на танец, – сообщила Гермiona, – но я сказала, что не могу танцевать.

Гермiona всегда придумывала какую-нибудь причину – вывихнутую щиколотку или головную боль, – чтобы избежать необходимости принимать приглашение танцевать.

Люси могла бы по праву назвать себя отличной танцовщицей. И великолепной собеседницей.

– Я буду счастлив повести леди Люсинду в танце, – сказал мистер Бриджертон, потому что... И в самом деле, что еще он мог сказать?

Люси улыбнулась, не очень сердечно, но вполне доброжелательно, и позволила мистеру Бриджертону отвести ее в патио.

Глава 2, в которой наша героиня демонстрирует явный недостаток уважения ко всему романтическому

Грегори был истинным джентльменом, поэтому скрыл свое разочарование, подал руку леди Люсинде и повел ее в танцевальный круг. Она была – и он в этом не сомневался – очаровательной и милой барышней, но она не была мисс Гермионой Уотсон.

А он всю жизнь ждал встречи именно с мисс Гермионой Уотсон.

И все же нет худа без добра.

Судя по всему, мисс Уотсон и леди Люсинду связывают настоящие дружба и преданность – рассеянность леди Люсинды брать в расчет не стоит. И если ему хочется побольше узнать о мисс Уотсон, начинать следует с леди Люсинды.

– Вы давно гостите в Обри-Холле? – вежливо осведомился Грегори, ожидая, когда зазвучит музыка.

– Всего лишь со вчерашнего дня, – ответила Люсинда. – А вы? Что-то мы ни разу вас не видели, когда все собирались вместе.

– Я приехал только сегодня вечером, – объяснил он. – После ужина. – Он поморщился. Теперь, когда его внимание не было занято мисс Уотсон, он вспомнил, что очень голоден.

– Вы, должно быть, голодны! – воскликнула леди Люсинда. – Как вы относитесь к тому, чтобы прогуляться по патио вместо танцев? Обещаю, мы пройдем мимо стола с напитками.

Грегори едва не стиснул ее в объятиях.

– Леди Люсинда, вы просто потрясающая!

Люсинда улыбнулась, но улыбка получилась странной, и Грегори так и не понял, что она означает. Ей пришлось по душе его комплимент, в этом он не сомневался, но в ее реакции было что-то еще. Какая-то печаль, что ли, нечто вроде покорности.

– Наверняка у вас есть брат, – сказал он.

– Есть, – подтвердила она, с улыбкой восприняв его способность к дедукции. – Он на четыре года старше меня и всегда голоден. Когда он приезжал домой на каникулы, я всегда изумлялась, если в продуктовом шкафу оставалась еда.

Грегори положил ее руку к себе на локоть, и они неторопливо пошли по периметру патио.

– В ту сторону, – сказала леди Люсинда и сжала пальцами его предплечье, когда он собрался двинуться против часовой стрелки. – Если, конечно, вы не предпочитаете сладости.

Грегори буквально просиял:

– Так там есть что-то поострее?

– Сандвичи. Они маленькие, они очень вкусные, особенно те, что с яйцами.

Он немного рассеянно кивнул. Краем глаза он заметил

мисс Уотсон и тут же утратил способность сосредоточиваться на чем-то другом. В частности потому, что ее окружала толпа мужчин. У Грегори возникла стойкая уверенность в том, что они только и ждали того момента, когда кто-нибудь уведет от нее леди Люсинду, чтобы броситься в атаку.

– Э-э... а вы давно знакомы с мисс Уотсон? – спросил он, стараясь скрыть свой интерес.

Леди Люсинда ответила после очень короткой паузы:

– Три года. Мы вместе учимся в школе мисс Мосс. Вернее, учились. Мы окончили школу в начале года.

– Осмелюсь предположить, что этой весной вы намерены дебютировать в Лондоне?

– Да, – ответила она и головой указала на стол с закусками. – Последние несколько месяцев мы потратили на подготовку. Мама Гермiony называет это посещением загородных вечеринок и приемов в узком кругу.

– Наводите лоск? – с улыбкой осведомился Грегори.

Губы Люсинды изогнулись в усмешке.

– Именно так. Сейчас из меня получается великолепный канделябр.

Грегори обнаружил, что ее ответ удивил его.

– Неужели простой канделябр? Ради бога, леди Люсинда, вы не понимаете своей ценности. Вы не меньше, чем одна из тех причудливых серебряных урн, которой в последнее время желает обладать чуть ли не каждый, чтобы поставить ее в гостиную.

– Значит, я урна, – согласилась Люсинда с таким видом, будто всерьез рассматривала эту идею. – Интересно, а чем была бы Гермiona?

«Драгоценностью. Бриллиантом. Бриллиантом, оправленным в золото. Бриллиантом, оправленным в золото и окруженным...»

– Не имею ни малейшего представления, – беззаботным тоном заявил он, подавая ей блюдо. – Ведь я едва знаком с мисс Уотсон.

Люсинда ничего не сказала, но ее брови слегка приподнялись. И это произошло в тот момент, когда Грегори сообразил, что смотрит мимо нее туда, где находится мисс Уотсон.

Леди Люсинда тихо вздохнула.

– Вам следует знать, что она любит другого.

Грегори вернул свой взгляд к той женщине, которой, если следовать правилам приличия, он должен был уделять все свое внимание.

– Прошу прощения?

Изящно пожав плечами, она положила себе на тарелку несколько маленьких сэндвичей.

– Гермiona. Она любит другого. Я решила, что вам будет интересно знать.

Грегори в изумлении уставился на нее, затем, отбросив остатки здравого смысла, опять посмотрел на мисс Уотсон. Взгляд был открытым и полным безнадежности, но он ничего не мог с собой поделать. Ему просто... Господи, ему про-

сто хочется смотреть и смотреть на нее не отрываясь. И если это не любовь, то он не представляет, что это такое.

– Ветчины?

– Что?

– Ветчины? – Леди Люсинда держала в сервировочных щипцах узкий длинный бутербродик. Выражение ее лица было раздражающе безмятежным. – Хотите сэндвич с ветчиной?

Грегори что-то проворчал и протянул тарелку, а затем – потому что не мог оставить ситуацию как есть – сдержанно заявил:

– Уверен, это меня не касается.

– Вы о сэндвиче?

– Я о мисс Уотсон, – процедил он.

Хотя, естественно, он покривил душой, потому что на самом деле его касалось все, что имело отношение к Гермионе Уотсон.

Грегори не был до такой степени тщеславным, чтобы считать, будто способен завоевать женщину одним взглядом, однако он никогда не сталкивался с трудностями в отношениях с прекрасным полом. И если принять во внимание характер его реакции на мисс Уотсон, то невозможно было предположить, что его чувства долго останутся не востребованными. Вероятно, придется приложить кое-какие усилия, чтобы завоевать ее сердце и добиться ее руки, но от этого победа станет только слаще.

Так он себе говорил. Если же посмотреть правде в глаза, то взаимный удар молнии повлек бы за собой гораздо меньше хлопот.

– Не расстраивайтесь, – сказала леди Люсинда, слегка вытягивая шею, чтобы разглядеть сандвичи. Очевидно, она выискивала что-то более экзотическое, чем британская свинина.

– Я не расстраиваюсь, – сердито бросил Грегори и стал ждать, когда она вновь переключит свое внимание на него.

Она повернулась к нему и внимательно оглядела.

– Ну, должна признаться, это довольно забавно. Потому что большинство мужчин чувствуют себя уничтоженными.

Грегори нахмурился.

– Что вы подразумеваете под тем, что большинство мужчин считают себя уничтоженными?

– Именно то, что сказала, – ответила леди Люсинда, взглядом выражая нетерпение. – Или, если не впадают в уныние, они начинают сердиться по поводу и без повода. – Она очаровательно, как это полагается делать благородным барышням, фыркнула. – Как будто в этом есть ее вина!

– Вина? – повторил Грегори, потому что на самом-то деле он ее почти не слушал.

– Вы не первый джентльмен, который вообразил, будто влюблен в Гермину, – сообщила леди Люсинда, всем своим видом показывая, что ситуация утомляет ее. – Это происходит постоянно.

– Я отнюдь не вообразил, будто... – Грегори заставил себя замолчать, надеясь, что она не заметит, как он сделал ударение на слове «вообразил».

– Не вообразили? – В ее вопросе звучало легкое удивление. – Ну, это забавно.

– Почему это забавно? – прищурившись, поинтересовался он.

– А почему вы задаете мне столько вопросов? – парировала леди Люсинда.

– Я не задаю, – возразил он.

Она вздохнула, а потом до крайности изумила его, сказав:

– Очень сожалею.

– Прошу прощения?

Она устремила взгляд на лежавший на тарелке сандвич с яичным салатом, потом посмотрела на него. Грегори решил, что такая последовательность не делает ему чести. Обычно его ценили выше салата.

– Я подумала, что вам захочется поговорить о Гермione, – призналась она. – Извините, я ошиблась.

Это поставило Грегори в затруднительное положение. Можно было бы признаться в том, что он по уши влюбился в мисс Уотсон, но тогда он оскорбил бы леди Люсинду.

Ведь он познакомился с обеими одновременно. А вот по уши влюбился не в нее.

И вдруг, как бы читая его мысли (что немного испугало его), леди Люсинда взмахнула рукой и заявила:

– Умоляю, не беспокойтесь о моих чувствах. Я уже к этому привыкла. Я же сказала, что такое происходит постоянно. – В открытое сердце Грегори воткнули острый кинжал, а потом повернули. – Не говоря уж о том, – беспечно продолжала она, – что я и сама почти обручена.

Неожиданно леди Люсинда издала короткое «ой!».

Грегори проследил за ее взглядом: он был устремлен туда, где раньше стояла мисс Уотсон.

– Интересно, куда она ушла? – задумчиво проговорила леди Люсинда.

Грегори немедленно повернулся к двери, надеясь хотя бы краем глаза узреть удаляющуюся мисс Уотсон, но ее там уже не было. И это ужасно разочаровывало. Какой смысл в безумной влюбленности, если нельзя повлиять на ситуацию?

Грегори не знал, как называется вздох сквозь стиснутые зубы, но сделал именно это.

– А-а, леди Люсинда, вот вы где!

Грегори увидел, что к ним приближается его невестка.

И вспомнил, что совсем забыл о ней. Он почему-то соблюдал приличия только с теми женщинами, которые не являлись его родственницами.

Леди Люсинда присела в очаровательном реверансе.

– Леди Бриджертон.

Кейт одарила ее искренней улыбкой.

– Мисс Уотсон попросила меня передать вам, что она почувствовала себя нехорошо и удалилась.

– Вот как? Она сказала... – По тому, как чуть-чуть опустились уголки ее губ, Грегори догадался, что она расстроилась.

– Кажется, она простудилась, – добавила Кейт.

Леди Люсинда кивнула.

– Эх ты, – продолжила Кейт, на этот раз обращаясь к Грегори, – даже не удосужился поздороваться со мной. Как ты?

Он взял ее руку в свои и поцеловал, всем видом выражая раскаяние.

– Извини, опоздал.

Кейт изобразила на лице не возмущение, а легкое раздражение.

– Как ты вообще?

– Вообще замечательно. – Он усмехнулся. – Как всегда.

– Как всегда, – повторила Кейт, взглядом давая ему понять, что его ждет допрос с пристрастием. – Леди Люсинда, – уже менее сухим тоном продолжила она, – полагаю, вы уже познакомились с братом моего мужа, с мистером Грегори Бриджертоном?

– Да, – ответила леди Люсинда. – Мы восхищаемся вашим угощением. Сандвичи наивкуснейшие.

– Благодарю. А Грегори уже пообещал вам танец? Не могу гарантировать, что музыку будут исполнять профессионалы, но нам удалось набрать среди наших гостей струнный квартет.

– Пообещал, – ответила леди Люсинда, – но я освободила

его от обязательства, чтобы он мог утолить свой голод.

– Вероятно, у вас есть братья, – с улыбкой заметила Кейт.

Прежде чем ответить, леди Люсинда покосилась на Грегори. При этом у нее на лице появилось легкое удивление.

– Только один.

– Я сделал точно такой же вывод, – пояснил Грегори.

Кейт рассмеялась.

– Ну, ты у нас мыслитель. – Затем она опять обратилась к леди Люсинде: – Это очень помогает понять поведение мужчин. Никогда нельзя недооценивать силу еды.

Во взгляде леди Люсинды появилось недоумение.

– Для пребывания в хорошем настроении?

– Ну и для этого тоже, – немного небрежно ответила Кейт, – но главное заключается в том, что нельзя забывать о ее пользе для того, чтобы победить в споре. Или просто добиться желаемого.

– Кейт, да леди Люсинда только что со школьной скамьи, – съехидничал Грегори.

Кейт проигнорировала его замечание:

– Важные навыки можно приобретать в любом возрасте.

Грегори собрался высказаться на эту тему – он не мог допустить, чтобы последние слова остались за Кейт, – но тут подала голос леди Люсинда:

– Извините меня, леди Бриджертон, но я должна покинуть вас. Я хочу провести Гермину. Она весь день чувствовала себя плохо, и мне нужно удостовериться, что с ней все в

порядке.

– Конечно, – сказала Кейт. – Пожалуйста, передайте ей мои наилучшие пожелания. Дайте знать, если вам что-либо понадобится. Наша экономка считает себя великой травницей и готовит всякие микстуры.

Выражение ее лица было необычайно дружелюбным, и Грегори мгновенно догадался, что она в полной мере одобряет леди Люсинду. А это многое значило. Кейт никогда не могла терпеть дураков.

– Я провожу вас, – любезно проговорил он.

Он полагал, что этого достаточно, чтобы не оскорбить ближайшую подругу мисс Уотсон.

Они распрощались с Кейт. Грегори устроил руку леди Люсинды у себя на локте, и они молча дошли до двери в гостиную.

Неожиданно леди Люсинда подняла на него глаза («А глаза-то у нее серо-голубые», – рассеянно отметил он) и предложила:

– А вы не хотите через меня передать записку Гермione? Грегори замер от изумления.

– А зачем? – осведомился он, прежде чем успел придумать, как помягче задать вопрос.

Она пожала плечами и ответила:

– Вы, мистер Бриджертон, меньшее из двух зол.

Ему безумно хотелось попросить ее уточнить это загадочное замечание, но он понимал, что делать этого нельзя, тем

более после столь краткого знакомства, поэтому, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, сказал:

– Просто передайте ей от меня привет, и все.

– В самом деле?

Проклятье! Ее взгляд действует ему на нервы!

– В самом деле.

Леди Люсинда присела в крохотном, буквально на грани приличий, реверансе и ушла.

Грегори еще мгновение смотрел на дверь, за которой она скрылась, а потом вернулся в сад. Большинство гостей танцевали, воздух звенел от смеха, но почему-то ночь казалась ему мрачной и безжизненной.

«Надо бы поесть», – решил он. Он съест раз в двадцать больше этих маленьких сэндвичей, а потом тоже уйдет к себе.

Утро вечера мудренее.

Люси знала, что у Гермiony не было никакой простуды или какого-то другого заболевания, поэтому ничуть не удивилась, когда увидела, что подруга сидит на кровати и сосредоточенно изучает нечто очень напоминающее четырехстраничное письмо, написанное чрезвычайно убористым почерком.

– Его принес лакей, – даже не поднимая головы, сообщила Гермiony. – Он сказал, что его доставили с сегодняшней почтой, но вспомнили о нем только сейчас.

Люси вздохнула.

– От мистера Эдмондса, полагаю?

Гермиона кивнула.

Люси прошла через комнату – эту спальню им выделили на двоих – и села в кресло рядом с туалетным столиком. Это было не первое письмо, полученное Гермионой от мистера Эдмондса, и Люси по опыту знала, что Гермионе понадобится прочесть его дважды, а потом еще раз для более глубокого анализа, а затем еще раз, чтобы отсортировать все скрытые намеки в приветствии и заключении.

А это означало, что в ближайшие пять минут Люси от нечего делать будет вынуждена изучать свои ногти.

Именно так она и поступила, но не потому, что ее очень интересовали собственные ногти, и не потому, что природа наделила ее исключительным терпением, а потому, что она умела распознавать безнадежные ситуации и не видела смысла в том, чтобы втягивать Гермиону в беседу, когда ту совсем не интересует предмет разговора.

Ногти, тем более ухоженные и тщательно обработанные, не способны надолго завладеть вниманием девушки, поэтому через какое-то время Люси встала, подошла к шкафу и стала рассеянно разглядывать свои наряды.

– Господи, – вдруг пробормотала она, – не люблю, когда она так делает.

Ее горничная поставила пару туфель не туда, куда следует, причем левый – справа, а правый – слева, и хотя Люси зна-

ла, что в этом нет ничего криминального, это все равно задевало какую-то странную, хотя и несущественную, грань ее чувственности. Поэтому она переставила туфли, потом отступила на шаг и оценила результат своей работы. Уперев руки в бока, она решительно повернулась и требовательным тоном спросила:

– Ну, ты закончила?

– Почти, – ответила Гермиона так, что создалось впечатление, будто это слово все время сидело у нее на языке, готовое в любую минуту сорваться с губ, чтобы отделаться от Люси, когда та задаст вопрос.

Люси рассердилась и села обратно в кресло. Эта сцена разыгрывалась между ними много раз.

Да, Люси точно знала, сколько писем получила Гермиона от романтического мистера Эдвардса. Хотя она предпочла бы этого не знать. Ее крайне раздражало, что этот факт занимает в ее мозгу немалое место, которое можно было бы использовать для чего-то более полезного, например для занятий ботаникой, или музыкой, или – о боже! – даже для чтения еще одной страницы из «Дебретт»¹. Грустная же истина заключалась в том, что каждое письмо мистера Эдмондса было событием, если не чем-то большим, поэтому реагировать на это событие приходилось и Люси.

Они делили одну комнату все три года, пока учились у мисс Мосс, и так как у Люси не было близких родствен-

¹ Ежегодный справочник дворянства. – *Здесь и далее примеч. пер.*

ниц, способных ввести ее в светское общество, эту обязанность решила взять на себя мать Гермионы, поэтому здесь они опять оказались в одной комнате.

Это было замечательно, честное слово, за исключением постоянного присутствия (по крайней мере в духовном плане) мистера Эдмондса. Люси виделась с ним один раз, но чувствовала себя так, будто он всегда рядом, ходит вокруг, вынуждает Гермиону вздыхать не к месту, устремлять взгляд в таинственную даль и выглядеть при этом так, словно она сочиняет любовный сонет, который она включит в свой следующий ответ.

– Ты хоть понимаешь, – заговорила Люси, хотя Гермиона никак не указала на то, что закончила чтение опуса, – что твои родители никогда не разрешат тебе выйти за него?

Этого оказалось достаточно, чтобы заставить Гермиону отложить письмо в сторону, пусть и на секунду.

– Да, – раздраженно ответила она, – ты уже это говорила.

– Он же секретарь, – напомнила Люси.

– Я это знаю.

– Секретарь, – еще раз сказала Люси. Этот разговор повторялся между ними бесчисленное количество раз. – Секретарь твоего отца.

Гермиона опять взяла в руку письмо и сделала попытку проигнорировать Люси, но в итоге сдалась и отложила его, тем самым подтвердив подозрение Люси, что она уже прочитала его и теперь находилась на втором или, возможно, тре-

тьем круге прочтения.

– Мистер Эдмондс – хороший и достойный человек, – поджав губы, сообщила Гермиона.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказала Люси, – но ты все равно не можешь выйти за него. Твой отец – виконт. Неужели ты действительно думаешь, что он позволит своей единственной дочери выйти за нищего секретаря?

– Папа любит меня, – тихо проговорила Гермиона, но почему-то в ее голосе не слышалось особой убежденности.

– Я же не пытаюсь отговорить тебя от брака по любви, – начала Люси, – но...

– Именно это ты и пытаешься сделать, – перебила ее Гермиона.

– Вовсе нет. Я просто не могу взять в толк, почему ты не хочешь попробовать влюбиться в того, кого наверняка одобряют твои родители.

Уголки прелестного ротика Гермионы разочарованно опустились.

– Ты не понимаешь.

– А что тут понимать? Неужели ты не видишь, что твоя жизнь станет значительно проще, если ты полюбишь подходящего мужчину?

– Люси, мы же не выбираем, кого любить.

Люси скрестила руки на груди.

– А почему бы и не выбрать?

Гермиона, в изумлении уставившись на нее, громко воз-

вестила:

– Люси Абернети, ты абсолютно ничего не понимаешь!

– Верно, – сухо произнесла та, – ты уже об этом говорила.

– Как тебе только могло в голову прийти, что женщина способна выбрать, кого ей любить? – страстно заговорила Гермиона, хотя недостаточно страстно, чтобы изменить свою расслабленную позу. – Человек не выбирает. Чувство просто возникает. В одно мгновение.

– А вот в это я не верю, – замотала головой Люси, а потом, не удержавшись, добавила: – Что в одно мгновение.

– Но это так, – настаивала Гермиона. – Я знаю, потому что так случилось со мной. Я не искала кандидата, чтобы влюбиться.

– Разве?

– Нет, – сердито глянула она на подругу, – не искала. Я была твердо намерена найти мужа в Лондоне. И в самом деле, разве можно встретить кого-нибудь достойного в Финчли?

Сказала это и фыркнула, выражая пренебрежение, присущее только коренным жителям Финчли.

Люси округлила глаза и склонила голову набок, ожидая, когда Гермиона продолжит.

Но Гермиона не оценила ее терпения.

– Не смотри на меня так, – потребовала она.

– Как?

– Вот так.

– Я повторяю – как?

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Люси прижала руку к щеке.

– Боже мой, ты собираешься рассказывать мне о мистере Эдмондсе или нет?

– А ты хочешь посмеяться надо мной?

– Естественно, нет. Обещаю, я не буду смеяться над тобой.

Гермиона недоверчиво подняла брови.

– Ладно. Но если ты...

– Гермиона!

– Как я уже сказала, – продолжила она, предупреждая, глядя на Люси, – я не ожидала, что встречу любовь. Я даже не знала, что папа нанял нового секретаря. Я просто прогуливалась в саду и прикидывала, какие розы срезать к столу, когда... увидела его.

Это было сказано с драматизмом, которого вполне хватило бы для исполнения главной роли в какой-нибудь посредственной трагедии.

– Ох, Гермиона, – вздохнула Люси.

– Ты же обещала, что не будешь смеяться надо мной, – напомнила Гермиона и указала на подругу пальцем. Этот жест был настолько не в ее духе, что Люси притихла. – Сначала я даже не видела его лица, – продолжила она. – Только затылок и волосы, которые завитками ниспадали на ворот рубашки. – На этом месте она вздохнула. Она вздохнула и тогда, когда повернула к Люси лицо, принявшее трагическое выражение. – Какого они цвета! Признайся, Люси, ты когда-ни-

будь видела, чтобы светлые волосы имели такой потрясающий оттенок?

Учитывая, сколько раз она вынуждена была выслушивать, как джентльмены высказывают точно такие же замечания о волосах Гермионы, Люси воздержалась от комментариев.

– А потом, – вновь заговорила Гермиона, – я увидела его профиль. И, клянусь тебе, зазвучала музыка.

У Люси возникло желание обратить ее внимание на то, что музыкальная комната в доме Уотсонов выходит прямо в розовый сад, но она прикусила язык.

– А когда он повернулся ко мне лицом, – теперь голос Гермионы звучал тише, а в глазах появилось выражение, которое можно было бы определить так: «Я заучиваю любовный сонет», – я уже больше ни о чем не могла думать. В голове билась одна мысль: «Я погибла».

Люси ахнула.

– Не говори так! Даже думать не смей!

О гибели благородные барышни не имели права говорить серьезно.

– Погибла не в том смысле, что погибла, – с нетерпением в голосе сказала Гермиона. – Боже мой, Люси, я же стояла в розовом саду. Ты что, не слышала меня? Но я поняла... я поняла, что погибла для всех остальных мужчин. Что на свете не существует ни одного, с кем его можно было бы сравнить.

– И ты поняла все это по его затылку? – поинтересовалась Люси.

Гермиона устремила на нее возмущенный взгляд.

– И по профилю. Но суть не в этом.

Люси терпеливо ждала, когда ей объяснят суть, хотя была абсолютно уверена, что с этой сутью она не согласится.

– Суть в том, – Гермиона говорила так тихо, что Люси пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать ее, – что я не могу быть счастлива без него. Просто не могу.

– Да-а, – протянула Люси, – но сейчас ты кажешься счастливой.

– Это только потому, что я знаю, что он ждет меня. И, – Гермиона взяла с кровати письмо, – он пишет, что любит меня.

– О боже! – пробормотала себе под нос Люси.

Вероятно, Гермиона расслышала ее бормотание, потому что поджала губы. Девушки целую минуту сидели на своих местах и молчали. Наконец Люси сказала:

– Этот милый мистер Бриджертон, кажется, очарован тобой.

Гермиона пожала плечами.

– Он младший сын, но, я думаю, прилично обеспечен. К тому же из хорошей семьи.

– Люси, я же говорила, что мне это неинтересно.

– Ну, он очень красив, – добавила Люси чуть более настойчиво, чем ей хотелось бы.

– Так добейся его, – парировала Гермиона.

Люси ошеломленно уставилась на нее.

– Ты же знаешь, что я не могу. Я же практически обручена с лордом Хейзелби.

– Практически, – напомнила ей Гермиона.

– Это то же самое, что официально, – сказала Люси.

И это было истинной правдой. Ее дядя много лет назад обсудил этот вопрос с графом Давенпортом, отцом виконта Хейзелби. Хейзелби был на десять лет старше Люси и просто ждал, когда она повзрослеет.

Что она с успехом и сделала. Так что свадьба была не за горами.

Кстати, Хейзелби был хорошей партией. И сам он был очень приятным человеком. Он не разговаривал с ней как с полной дурой и, кажется, любил животных. Он обладал вполне привлекательной внешностью, хотя и начал лысеть. Люси виделась со своим будущим мужем всего три раза, но, как известно, первое впечатление имеет особое значение и обычно самое верное.

Кроме того, дядя являлся ее опекуном уже десять лет, с тех пор как умер ее отец. Пусть он и не проявлял особой любви и привязанности к ней и ее брату Ричарду, зато честно исполнил свой долг и вырастил их. И Люси знала, что теперь ее долг – подчиниться его желаниям и с уважением принять помолвку, которую он сам и организовал.

Или практически организовал.

Да какая, в самом деле, разница. Она все равно выйдет за Хейзелби. Это же понятно.

– Мне кажется, ты пользуешься им как предлогом, – заметила Гермiona.

Люси насторожилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты используешь Хейзелби как предлог, – повторила Гермiona, и на ее лице появилось высокомерное выражение, которое совсем не понравилось Люси. – Чтобы помешать своему сердцу увлечься кем-то другим.

– А кем конкретно могло бы увлечься мое сердце? – недовольно осведомилась Люси. – Ведь сезон еще не начался!

– Возможно, – проговорила Гермiona. – Но мы и так много выезжаем, «наводим лоск», как любите повторять вы с моей мамой. Ты же не живешь отшельницей, Люси. Ты же видишься с мужчинами.

Не было смысла упоминать, что никто из этих мужчин никогда не замечал ее на фоне Гермiony. Гермiona стала бы возражать, но обе знали бы, что она просто щадит чувства Люси.

Гермiona больше ничего не сказала, а лишь хитро посмотрела на подругу – такие взгляды она не использовала больше ни с кем, – и Люси поняла, что пора защищаться.

– Это не предлог, – заявила девушка и сложила руки на груди, но потом, почувствовав, что эта поза не совсем соответствует моменту, уперла руки в бока. – И вообще, о чем речь? Ты же знаешь, что я обязана выйти за Хейзелби. Это было обговорено сто лет назад.

Она снова скрестила руки на груди, потом опустила и села.

– Это неплохая партия, – продолжала Люси. – Честное слово, после того, что произошло с Георгианой Уитон, я должна ползать в ногах у дяди и целовать ему руки за столь приемлемый союз.

На мгновение воцарилось проникнутое ужасом, почти благоговейное молчание. Если бы девушки были католичками, они перекрестились бы.

– Избави Господи от этого, – наконец нарушила тишину Гермiona.

Люси медленно кивнула. Георгиану выдали замуж за страдающего одышкой и подагрой семидесятилетнего старика, причем нетитулованного семидесятилетнего подагрического старика. Господь всемогущий, своей жертвой Георгиана вполне заслужила, чтобы перед ее именем появилось «леди»!

– Так что, – решила закончить Люси, – Хейзелби не такой уж плохой вариант. Лучше, чем многие, между прочим.

Гермiona посмотрела на нее. Пристально.

– Хорошо, Люси. Если это то, что ты хочешь, я буду во всем поддерживать тебя. Но что касается меня... – Она вздохнула, и в ее глазах появилось то самое отсутствующее выражение, от которого мужчины падали в обморок. – Мне нужно кое-что другое.

– Я это знаю, – сказала Люси, пытаясь выдавить улыбку.

Сколько ни старалась, ей трудно было представить, каким образом Гермионе удастся претворить в жизнь свою мечту. В мире, в котором они жили, дочери виконта не выходили замуж за секретарей. Люси казалось, что Гермионе было бы гораздо разумнее подогнать свою мечту под реальность, чем перекраивать общественные взгляды. Во всяком случае, так было бы легче.

Но сейчас она слишком устала. И хочет спать. Она займется Гермионой утром. И начнет с красавца мистера Бриджертона. Он идеально подойдет ее подруге, к тому же – Господь свидетель! – она его очень заинтересовала.

Гермиона передумает. Люси об этом позаботится.

Глава 3, в которой наш герой предпринимает очень-очень большие усилия

Утро было солнечным и ясным. Грегори с аппетитом завтракал, когда рядом с ним возникла его невестка. Судя по слабой улыбке, она что-то задумала.

– Доброе утро, – излишне живо и весело поприветствовала она его.

Грегори, в этот момент накладывавший себе на тарелку гору омлета, кивнул и произнес:

– Кейт.

– Погода стоит отличная, и, я думаю, можно было бы организовать экскурсию в деревню.

– Чтобы закупить лент и бантов?

– Именно, – подтвердила Кейт. – Я действительно считаю необходимым поддержать наших местных лавочников. А ты что думаешь?

– Конечно, – пробормотал Грегори. – Хотя я в последнее время не испытывал настоящей потребности в лентах и бантах.

Кейт сделала вид, будто не заметила его сарказма.

– У всех наших дам есть деньги на «булавки», только им негде их потратить. Если я не отправлю их в город, они от-

кроют игорное заведение в розовом салоне.

Вот на это Грегори взглянул бы с большим удовольствием.

– И, – продолжала Кейт довольно целеустремленно, – если я отправлю их в город, для них понадобится эскорт.

Грегори чуть-чуть помедлил с ответом, и она повторила:

– Эскорт.

– Осмелюсь предположить, что ты хочешь попросить меня во второй половине дня прогуляться в деревню?

– Утром, – поправила его Кейт. – В связи с тем, что я собираюсь разбить всех на пары, а тебе, как Бриджертону, отдаю предпочтение перед остальными гостями мужского пола, я позволю себе осведомиться, нет ли среди наших дам той, с которой ты хотел бы оказаться в паре?

Иначе, как свахой, Кейт назвать было нельзя, но в данном случае Грегори решил, что ее стоит поблагодарить за вмешательство.

– Между прочим, – начал он, – есть...

– Замечательно! – перебила его Кейт и захлопала в ладоши. – Это Люси Абернети.

– Люси Абернети? – ошарашенно повторил Грегори. – Та самая леди Люсинда?

– Да, вчера вы смотрелись отличной парой, и, должна признаться, Грегори, она мне ужасно нравится. Она говорит, что уже практически обручена, но, по моему мнению, это...

– Меня не интересует леди Люсинда, – оборвал ее на полуслове Грегори, решив, что слишком опасно ждать, когда

Кейт переведет дыхание.

– Не интересует?

– Нет. Не интересует. Я... – Он наклонился к ней, хотя в утренней столовой не было никого, кроме них. – Я хотел бы, чтобы ты поставила меня в пару с мисс Уотсон.

– Серьезно? – Кейт не выглядела разочарованной, но в ее облике появилась какая-то безропотность. Как будто она уже слышала подобные слова прежде. И не раз.

– Да, – ответил Грегори и почувствовал, как в нем поднимается раздражение, в первую очередь на Кейт, потому что... гм... она была рядом, а он отчаянно влюбился, и ей нечего было сказать на это, кроме «серьезно?».

Но потом он понял, что был раздражен с раннего утра. Он плохо спал и все время думал о Гермионе: об изящной линии затылка, о зеленом оттенке ее глаз, о мелодичности ее голоса. Он впервые – впервые – реагировал на женщину таким образом, и хотя его радовало, что он наконец-то нашел ту самую, которую хотел сделать своей женой, его слегка лишил самообладания тот факт, что она не испытывала такого же влечения к нему.

– Значит, Гермиона Уотсон, – сказала Кейт, вздохнув так, как вздыхают женщины, когда имеют в виду нечто, что просто невозможно понять, даже если бы это нечто было облечено в слова.

Это Гермиона Уотсон. И будет Гермиона Уотсон.
Скоро.

Не исключено, что сегодня же утром.

– Как ты думаешь, в деревне торгуют чем-нибудь, кроме лент и бантов? – спросила Гермиона у Люси, когда они натягивали перчатки.

– Очень на это надеюсь, – ответила Люси. – Так поступают хозяева всех подобных вечеринок, правда? Отправляют нас с нашими карманными деньгами покупать ленты и банты. У меня их столько, что можно было бы украсить целый дом. Или по крайней мере соломенную сторожку.

Гермиона весело улыбнулась:

– Я внесу свой вклад в дело, и вместе мы украсим... – она замолчала и задумалась, а потом опять улыбнулась, – большую соломенную сторожку!

Люси усмехнулась. В Гермионе столько надежности. Но никто этого, естественно, не замечает. Хотя надо честно признать: Гермиона редко делится с обожателями своим внутренним миром настолько, чтобы они успели понять, что прячется за ее красивой внешностью. И дело вовсе не в ее робости, хотя она и не отличается такой же общительностью, как Люси. Просто Гермиона замкнутая. У нее нет желания делиться своими мыслями и воззрениями с малознакомыми людьми.

И это сводит мужчин с ума.

Люси выглянула в окно, когда они прошли в одну из многочисленных гостиных Обри-Холла. Леди Бриджертон нака-

зала явиться ровно в одиннадцать.

– Во всяком случае, все указывает на то, что дождя не будет, – заметила Люси.

В последний раз, когда их отправляли за безделушками, на обратном пути начал моросить дождь. Плотная листва помогла им остаться почти сухими, а вот туфли погибли. И еще Люси чихала целую неделю.

– Доброе утро, леди Люсинда, мисс Уотсон.

Леди Бриджертон, хозяйка дома, уверенным шагом вошла в комнату. Ее темные волосы были стянуты в пучок, глаза светились умом.

– Рада видеть вас обеих, – сказала она. – Вы пришли последними из всех наших дам.

– Вот как? – ужаснулась Люси, которая не любила опаздывать. – Я очень сожалею. Разве вы назначили встречу не на одиннадцать?

– О, дорогая, у меня не было в мыслях расстроить вас, – успокоила ее леди Бриджертон. – Я действительно назначила встречу на одиннадцать часов. Но лишь потому, что решила отправлять всех посменно.

– Посменно? – переспросила Гермiona.

– Да, так гораздо интереснее, не правда ли? У меня есть восемь дам и восемь джентльменов. Если бы я отправила их всех толпой, им не удалось бы завязать светскую беседу. Нужно еще помнить о ширине дороги. Я казнила бы себя, если бы ваша прогулка омрачилась постоянной толкучкой.

Она что-то еще говорила о безопасности и приводила какие-то цифры, но Люси не слушала ее, углубившись в собственные мысли. Было ясно, что у леди Бриджертон имеется своего рода расписание дня, а так как Люси давно пришла к выводу, что ей очень нравится виконтесса, ей стало любопытно, чем все это закончится.

– Мисс Уотсон, вы пойдете в паре с братом моего мужа. Полагаю, вчера вечером вы уже познакомились?

Гермиона вежливо кивнула.

Люси улыбнулась. Сегодня утром мистер Бриджертон не сидел без дела. Молодец.

– А вас, леди Люсинда, – продолжала леди Бриджертон, – будет сопровождать мистер Бербрук. – Она немного сконфуженно улыбнулась. – Он нам вроде родственника, – добавила она, – и, честное слово, очень добродушный молодой человек.

– Вроде родственника? – удивилась Люси, не совсем представляя, как ей следует реагировать на неестественный для леди Бриджертон неуверенный тон. – Что значит «вроде»?

– Да. Его брат женат на сестре жены брата моего мужа.

– О! – Люси удалось сохранить на лице вежливое выражение. – Значит, он близкий родственник?

Леди Бриджертон рассмеялась.

– Я в восторге от вас, леди Люсинда. Что касается Невилла... гм... уверена, вам с ним будет интересно. А вот и он. Невилл! Невилл!

Леди Бриджертон устремилась навстречу мистеру Невиллу Бербруку, появившемуся в дверях. У мистера Бербрука было приветливое лицо. Румяный, светловолосый, он пребывал в отличном настроении.

– Приветствую, леди Бриджертон, – поздоровался он и каким-то образом ухитрился споткнуться о ножку изящного столика. – Сегодня утром был просто изумительный завтрак. Особенно копченая рыба.

– Благодарю вас, – сказала леди Бриджертон, с тревогой поглядывая на китайскую вазу, которая покачивалась на столике. – Уверена, вы помните леди Люсинду.

Они обменялись приветствиями, и мистер Бербрук спросил:

– А вам понравилась копченая рыба?

Люси вопросительно посмотрела сначала на Гермину, потом на леди Бриджертон, но ни от одной не получила помощи, потому что обе были озадачены не меньше ее, и ограничилась кратким:

– Э-э... да.

– Замечательно! – воскликнул мистер Бербрук. – Кстати, а там в окне, случайно, не хохлатая крачка?

Люси удивленно округлила глаза. Она опять взглянула на леди Бриджертон и поняла, что виконтесса всячески избегает встречаться с ней взглядом.

– Хохлатая крачка, говорите, – наконец произнесла она просто потому, что не смогла придумать другого, более под-

ходящего ответа.

Мистер Бербрук к этому моменту уже успел высунуться в окно. Люси подошла к нему и тоже выглянула, но никаких птиц не увидела.

Краем глаза она заметила, что в комнату вошел мистер Бриджертон и принялся очаровывать Гермиону. Боже, до чего же у него красивая улыбка! Белозубая, широченная, почти до ушей. Она кардинально отличается от тех улыбок, которые выдавливают скучающие молодые аристократы. Мистер Бриджертон улыбается так, будто ему действительно весело.

Хотя что в этом удивительного, ведь он улыбается Гермионе, которая вскружила ему голову.

Люси не слышала, о чем они говорили, но без труда распознала выражение на лице Гермионы. Вежливое, естественно, так как Гермиона никогда не допускала неучтивости. Вероятно, никто, кроме Люси, хорошо знавшей свою подругу, не замечал, что Гермиона всего лишь терпит ухаживания мистера Бриджертона, кивками и милыми улыбками отвечает на его комплименты, а в мыслях находится где-то далеко-далеко.

Рядом с мистером Эдмондсом.

Люси наблюдала за мистером Бриджертоном и одновременно кивками давала понять, что слушает мистера Бербрука, который снова вернулся к теме крачки. Мистер Бриджертон идеален. У него нет титула, но, по мнению Люси, Гермионе не обязательно выходить за самого титулованного из

всех возможных. Ей просто не следует опускаться до секретарей.

К тому же мистер Бриджертон очень привлекателен. У него каштановые волосы и красивые карие глаза. И происходит он из уважаемой семьи, его родственники – вполне разумные люди. И это говорит в его пользу. Ведь когда выходишь замуж, выходишь и за семью мужа.

Люси не могла представить лучшего мужа для Гермионы. Конечно, она не возражала бы, если бы мистер Бриджертон стоял первым в очереди на титул маркиза, но нельзя объять необъятное. Главное же заключалось в том, что Люси была твердо уверена: мистер Бриджертон сделает Гермиону счастливой. Хотя Гермиона, вероятно, этого не понимала.

– Я все же добьюсь, чтобы это случилось, – пробормотала себе под нос Люси.

– А? – встрепнулся мистер Бербрук. – Вы нашли птицу?

– Там, – ответила Люси, указывая на дерево.

Он наклонился вперед.

– Серьезно?

– О, Люси! – раздался голос Гермионы.

Люси обернулась.

– Нам пора. Мистеру Бриджертону не терпится отправиться в путь.

– Всегда к вашим услугам, мисс Уотсон, – заявил тот, о ком только что говорили. – Мы выступим, когда вы пожелаете.

Гермиона устремила на Люси взгляд, который ясно свидетельствовал о том, что это ей не терпится отправиться в путь, поэтому Люси сказала:

— Тогда в путь.

Она взяла мистера Бербрука под локоть, и они направились к главной аллее. Люси вскрикнула лишь один раз, хотя споткнулась обо что-то трижды. Мистер Бербрук ухитрялся находить на абсолютно ровной лужайке корни и камни, спотыкался об них и вел Люси прямо на них.

Господи!

Люси мысленно приготовилась к грядущим увечьям. Прогулка обещала быть довольно болезненной, но и продуктивной. К моменту возвращения домой Гермиона наверняка хоть чуть-чуть заинтересуется мистером Бриджертоном.

Люси об этом позаботится.

* * *

Если у Грегори и были какие-то сомнения в отношении мисс Гермионы Уотсон, они мгновенно улетучились, как только она взяла его под руку. Его охватило ощущение правильности случившегося, какая-то мистическая уверенность в том, что соединились две половинки. Она идеально подходила ему. Они оба подходили друг другу.

И он хотел ее.

Это не было простым желанием. Он не испытывал ниче-

го сходного с вульгарной похотью. Это было нечто другое. Нечто шедшее изнутри. Он просто хотел, чтобы она принадлежала ему. Ему хотелось смотреть на нее и предвкушать. Предвкушать, как она будет называться его именем, вынашивать его детей, с любовью поглядывать на него за утренней чашкой шоколада.

Ему хотелось рассказать ей об этом, поделиться своими грезами, нарисовать картину их совместной жизни. Но он не был настолько глуп, поэтому сказал, когда вел ее по аллее:

– Сегодня утром, мисс Уотсон, вы выглядите просто великолепно.

– Благодарю, – ответила она.

И больше ничего не сказала.

Грегори помолчал, затем спросил:

– Вы хорошо спали?

– Да, благодарю.

– Вам нравится здесь?

– Да, – ответила она.

Забавно, но он всегда думал, что беседа с женщиной, на которой он захочет жениться, будет протекать гораздо легче.

Грегори напомнил себе, что она все еще считает себя влюбленной в кого-то другого. В того, кто ей не подходит, если судить по брошенному леди Люсиндой замечанию. Как она его вчера назвала – «меньшее из двух зол»?

Грегори устремил взгляд вперед. Леди Люсинда шла под руку с Невиллом Бербруком, который, как всегда, забыл о

том, что нужно подлаживаться под дамскую походку, и все время спотыкалась. Со стороны казалось, что она неплохо справляется с ситуацией, но Грегори не мог поручиться, что периодически доносившиеся спереди болезненные вскрики были плодом его воображения.

Он мысленно заставил себя встряхнуться. Вероятно, это крики птиц. Ведь Невилл, кажется, говорил, что видел в окно целую стаю.

– Вы давно дружите с леди Люсиндой? – спросил Грегори.

Он, естественно, знал ответ: леди Люсинда сообщила ему об этом еще вчера вечером, – просто не мог придумать, о чем бы еще спросить мисс Уотсон. А задать вопрос надо было, причем такой, чтобы на него нельзя было ответить односложно.

– Три года, – ответила мисс Уотсон. – Она моя ближайшая подруга. – При этих словах ее лицо немного оживилось, и она добавила: – Нужно их догнать.

– Мистера Бербрука и леди Люсинду?

– Да, – кивнула она.

Грегори меньше всего хотелось растрчивать впустую драгоценные минуты пребывания наедине с мисс Уотсон, но он покорно окликнул Бербрука и попросил подождать. Бербрук тут же выполнил его просьбу, да так неожиданно, что леди Люсинда в буквальном смысле слова врезалась в него.

Она вскрикнула, но не от боли, а от неожиданности.

Мисс Уотсон воспользовалась моментом и, высвободив

руку из-под локтя Грегори, устремилась вперед.

– Люси! – закричала она. – Дорогая моя, ты поранилась?

– Вовсе нет, – успокоила ее леди Люсинда, немного смущенная повышенным вниманием подруги.

– Я должна поддержать тебя, – заявила мисс Уотсон и взяла ее под руку.

– Должна? – удивилась леди Люсинда, выворачивая локоть – вернее, пытаясь высвободить локоть. – Но в этом нет никакой необходимости.

– Я настаиваю.

– В этом нет необходимости, – повторила леди Люсинда, и Грегори пожалел, что не видит ее лица, потому что голос ее звучал так, будто она цедила сквозь зубы.

– Э-хе-хе, – послышался вздох Бербрука. – Вероятно, Бриджертон, мне придется идти под руку с тобой.

Грегори бросил на него пристальный взгляд.

– Нет.

Бербрук обиженно заморгал.

– Да я же просто пошутил.

Грегори вздохнул и с трудом выдавил:

– Я догадался.

Он знал Невилла Бербрука с тех пор, как их водили на детских помочах, и всегда относился к нему вполне терпимо, но сейчас его охватывало безумное желание надавать ему оплеух.

Тем временем девушки о чем-то спорили приглушенны-

ми голосами, и Грегори не смог разобрать, о чем же идет речь. Леди Люсинда продолжала вырывать руку, а мисс Уотсон прочно удерживала ее.

– У нее травма, – повернувшись к мужчинам, заявила мисс Уотсон.

– Ничего подобного, – возразила Люси, – у меня нет никакой травмы. Пойдемте дальше.

Грегори так и не разобрался, веселит ее весь этот спектакль или обижает. Мисс Уотсон совершенно ясно давала понять, что не желает идти с ним в паре. В то время как некоторым мужчинам нравилось тосковать по недостигаемому, Грегори предпочитал видеть рядом с собой улыбающихся, дружелюбных и общительных женщин.

В этот момент мисс Уотсон повернула голову, и взгляд Грегори упал на ее затылок (да что такого особенного было в ее затылке?). Он ощутил, что тонет, его охватило такое же сильное, как вчера, чувство безумной влюбленности, и он приказал себе не терять голову. Ведь их знакомство длится меньше суток, и ей нужно время, чтобы узнать его. Любовь приходит к людям с разной скоростью. Например, его брат Колин был много лет знаком со своей будущей женой, прежде чем понял, что они предназначены друг для друга.

Конечно, Грегори не планировал ждать годы, но все же подобные примеры наполняли нынешнюю ситуацию хоть какой-то перспективой.

Через некоторое время стало ясно, что мисс Уотсон не

уломать и она пойдет под руку с леди Люсиндой. Грегори пристроился в шаге позади мисс Уотсон, а Бербрук маячил где-то по соседству с леди Люсиндой.

– Расскажите нам, что значит быть членом такой большой семьи, – обратилась к Грегори леди Люсинда, отклонив назад голову и посмотрев на него мимо мисс Уотсон. – У нас с Гермией только по одному брату.

– А у меня трое, – сообщил Бербрук. – И все мальчишки. Если не считать моей сестры, естественно.

– Это... – Грегори хотел было ответить как обычно: что это сумасшедший дом, что наличие братьев и сестер приносит больше проблем, чем радости, – но каким-то образом правда сама вылезла наружу, и он с изумлением услышал собственные слова: – Это очень уютно.

– Уютно? – переспросила леди Люсинда. – Неожиданная характеристика.

Вытянув голову, он посмотрел мимо мисс Уотсон и обнаружил, что серо-голубые глаза леди Люсинды светятся любопытством.

– Да, – медленно проговорил он, собираясь с мыслями, прежде чем продолжить. – Думаю, наличие семьи успокаивает. Оно приносит ощущение... понимания.

– Что вы имеете в виду? – спросила леди Люсинда. Судя по всему, ее действительно заинтересовала эта тема.

– Понимания того, что они рядом, – ответил Грегори. – Что, если я попаду в беду или мне понадобится собеседник

для задушевного разговора, я всегда смогу обратиться к ним.

И это было правдой. Он никогда раньше не рассматривал это под таким углом, но это действительно было правдой. Его не связывали с братьями такие же близкие отношения, как те, что существовали между ними, но в этом не было ничего необычного, ведь его и их разделяла большая разница в возрасте. Когда они стали полноправными членами светского общества, он еще учился в Итоне. А сейчас они все были женаты.

И все равно он знал, что и они, и даже сестры придут на помощь, если понадобятся ему. Стоит ему только попросить.

Естественно, он никогда не просил, но знал, что может попросить. И это было то, что имелось не у многих, то, о чем многие только мечтали.

– Мистер Бриджертон?

Грегори встрепнулся. Леди Люсинда вопросительно смотрела на него.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Кажется, я за-мечтался.

Он улыбнулся ей и кивнул, а потом бросил взгляд на мисс Уотсон, которая, к его изумлению, тоже смотрела на него. Ее глаза, ясные, ослепительно зеленые, казались огромными на очаровательном личике, и он на мгновение ощутил, как между ним и мисс Уотсон пробежал электрический заряд. Она улыбнулась – немного смущенно оттого, что ее застали врасплох, – и отвернулась.

Сердце Грегори упало.

Тут снова заговорила леди Люсинда.

– Я испытываю те же чувства по отношению к Гермione, – призналась она. – Мы с ней духовные сестры.

– Мисс Уотсон воистину незаурядная дама, – сказал Грегори и поспешно добавил: – Как, конечно, и вы.

– Она великолепный акварелист, – сообщила леди Люсинда.

Гермиона очаровательно зарделась.

– Люси.

– Но ведь это так, – настойчиво произнесла ее подруга.

– Я и сам люблю рисовать, – слышался бодрый голос Невилла Бербрука. – И гублю при этом свои рубашки.

Грегори удивленно посмотрел на него. Увлеченный странно откровенной беседой с леди Люсиндой и переглядыванием с мисс Уотсон, он совсем забыл о существовании Бербрука.

– Мой камердинер все время воюет со мной, – продолжил Невилл. – Не понимаю, почему нельзя придумать краску, которая смывалась бы со льна. – Он замолчал, очевидно, углубившись в размышления. – Или с шерсти.

– А вам нравится рисовать? – обратилась к Грегори леди Люсинда.

– У меня нет для этого таланта, – признался он. – Но мой брат – довольно известный художник. Две его картины висят в Национальной галерее.

– О, потрясающе! – воскликнула леди Люсинда и повернулась к мисс Уотсон: – Ты слышала, Гермiona? Тебе следует попросить мистера Бриджертон, чтобы он познакомил тебя со своим братом.

– Мне не хотелось бы причинять беспокойство мистери Бриджертону, – с наигранной скромностью проговорила мисс Уотсон.

– Вы не причините мне никакого беспокойства, – с улыбкой заверил ее Грегори. – Я буду только счастлив познакомиться с вами, к тому же Бенедикт всегда рад поговорить об искусстве. Я плохо разбираюсь в этой теме, его же она воодушевляет.

– Вот видишь. – Люси похлопала Гермionу по руке. – У вас с мистером Бриджертонм много общего.

Даже Грегори решил, что это сказано с большой натяжкой, но воздержался от комментариев.

– Бархат, – неожиданно заявил Невилл.

Все трое повернулись к нему.

– Извините, что? – проговорила леди Люсинда.

– Он хуже всего, – сказал он, энергично закивав. – Ну, я имею в виду, что краска не смывается.

Грегори был виден только затылок леди Люсинды, однако он без труда представил, как у нее от удивления расширились глаза, когда она осведомилась:

– Вы надеваете бархат, когда рисуете?

– Если холодно.

– Как... необычно.

Лицо Невилла просветлело.

– Вы тоже так считаете? Мне всегда хотелось быть необычным.

– Вы действительно такой, – сказала леди Люсинда, и Грегори не услышал в ее тоне ничего, кроме твердой уверенности. – Вы, мистер Бербрук, на самом деле необычный человек.

Невилл уже лучился от счастья.

– Необычный. Мне нравится. Необычный. – Он как бы пробовал слово на вкус и широко улыбался при этом. – Не-о-о-о-быч-ный.

Все четверо продолжили свой путь к деревне в дружелюбном молчании, которое особо подчеркивали редкие попытки Грегори разговорить мисс Уотсон. Иногда ему это удавалось, но гораздо чаще беседу поддерживала и заканчивала леди Люсинда – в тех случаях, когда не подталкивала к беседе мисс Уотсон.

Наконец впереди показались знакомые здания деревни. Невилл объявил, что он необычайно проголодался. Это могло означать что угодно, поэтому Грегори повел группу к «Белому оленю», местному трактиру, где подавали простую, но всегда вкусную еду.

– Надо бы устроить пикник, – предложила леди Люсинда. – Вот было бы здорово!

– Отличная идея! – воскликнул Невилл, глядя на нее как

на богиню.

Грегори немного удивила страстность его взгляда, но леди Люсинда, судя по всему, этого не заметила.

– А вы как думаете, мисс Уотсон? – спросил он.

Гермиона, судя по всему, витала где-то в облаках, ее взгляд оставался рассеянным, даже несмотря на то, что глаза были устремлены на какое-то художество на стене.

– Мисс Уотсон? – позвал ее Грегори, а когда ему наконец-то удалось завладеть ее вниманием, спросил: – А вы хотели бы устроить пикник?

– О да, это было бы замечательно.

И в следующее мгновение она вернулась к созерцанию космоса, при этом ее очаровательные губки изогнулись так, что придали лицу томное, почти тоскливое выражение.

Укротив собственное разочарование, Грегори кивнул и приступил к приготовлениям. Владелец трактира, знакомый со всем его семейством, выдал ему два чистых покрывала, чтобы разостлать на земле, и пообещал собрать корзину еды и сразу же доставить к месту пикника.

– Вы отличный организатор, мистер Бриджертон, – сказала леди Люсинда. – Ты согласна со мной, Гермиона?

– Да, конечно.

– Надеюсь, он прихватит пирог, – проговорил Невилл и открыл дверь перед дамами. – Я всегда готов есть пироги.

Грегори удалось положить руку мисс Уотсон себе на локоть прежде, чем она улизнула.

– Я попросил собрать самой разнообразной еды, – тихо сообщил он ей. – Надеюсь, там найдется что-нибудь, к чему у вас есть особое пристрастие.

Она посмотрела на него, и он, вновь ощутив, как из легких со свистом вырывается воздух, утонул в ее глазах. А еще он подумал, что она почувствовала то же самое. Как она могла этого не почувствовать, если он ощутил, как у него подгибаются колени?

– Уверена, все будет очень вкусно, – сказала мисс Уотсон.

– У вас есть пристрастие к сладкому?

– Да, есть, – призналась она.

– Тогда вам повезло, – заявил Грегори. – Мистер Гладдиш пообещал принести нам крыжовенного пирога, который готовит его жена и который прославил ее на всю округу.

– Пирог? – в буквальном смысле восторгнулся Невилл, затем спросил у леди Люсинды: – Он действительно сказал, что нам принесут пирог?

– Кажется, да, – ответила она.

Невилл блаженно вздохнул:

– Леди Люсинда, а вы любите пироги?

Ее черты омрачило легкое раздражение.

– Какие именно пироги, мистер Бербрук? – осведомилась она.

– Ну, любые. Сладкие, с травами, фруктовые, мясные.

– Гм... – Леди Люсинда огляделась по сторонам с таким видом, будто могла получить помощь от зданий и деревьев. –

Я... э-э... думаю, мне понравились бы такие пироги.

Именно в эту минуту Грегори со всей ясностью понял, что Невилл влюбился.

Бедная леди Люсинда.

Они перешли главную улицу и направились к лужайке. Грегори разостлал покрывала. Леди Люсинда – до чего же сообразительная особа! – села первой и похлопала ладонью рядом с собой, указывая, где сесть Невиллу. Тем самым она вынудила Грегори и мисс Уотсон устроиться рядом на другом покрывале.

И Грегори приступил к завоеванию сердца мисс Уотсон.

Глава 4, в которой наша героиня дает совет, наш герой следует ему и все объедаются пирогами

Люси, изо всех сил пытаясь не хмуриться, выглянула из-за плеча мистера Бербрука. Мистер Бриджертон предпринимал героические попытки добиться благосклонности Гермiony, и Люси вынуждена была признать, что при обычных обстоятельствах, в обществе другой представительницы слабого пола, он с легкостью преуспел бы. Люси вспомнила девушек, с которыми училась в школе, – любая из них к этому моменту уже была бы по уши влюблена в него, но не Гермiona.

Он очень старался. Был слишком внимателен, слишком заботлив, слишком... слишком... В общем, слишком влюблен, если говорить прямо, или по крайней мере слишком увлечен.

Мистер Бриджертон был очарователен. Он отличался красотой и, что очевидно, недюжинным умом, но Гермiona все это видела раньше. Люси уже отчаялась сосчитать джентльменов, ухаживавших за ее подругой в той же манере. Одни были остроумны, другие – серьезны. Они дарили цветы, поэмы, конфеты, один даже подарил Гермione щенка (которого отказалась впускать в дом ее мать, заявив несчастному поклоннику, что в естественной среде собаки не живут среди

обюссонских ковров и китайского фарфора).

Но по сути они все были одинаковыми. Они ловили каждое ее слово, смотрели как на спустившуюся на землю греческую богиню и, соревнуясь друг с другом, шептали в ее очаровательные ушки искуснейшие, самые романтические комплименты. И никогда не понимали, насколько все они неоригинальны.

Если мистер Бриджертон действительно хочет возбудить интерес у Гермионы, ему следует сделать что-нибудь особенное.

– Леди Люсинда, хотите еще крыжовенного пирога? – предложил мистер Бербрук.

– Да, благодарю, – согласилась Люси исключительно ради того, чтобы на некоторое время он отвлекся на резание пирога и дал ей время подумать.

Ей и в самом деле не хотелось, чтобы Гермиона растратила свою жизнь на мистера Эдмондса, а мистер Бриджертон – идеальный вариант. Надо только немного ему помочь.

– Ой, смотрите! – воскликнула Люси. – У Гермионы нет пирога!

– Нет пирога? – ошеломленно выдохнул мистер Бербрук.

Люси посмотрела на него и захлопала ресницами – к сожалению, в этом способе кокетства она не была большим специалистом, да и практики совсем не имела.

– Сделайте одолжение, положите ей пирога. – Мистер Бербрук кивнул, и Люси встала и объявила: – Что-то у меня за-

текли ноги, хочется немного размяться. На дальнем краю лужайки растут восхитительные цветы. Мистер Бриджертон, каковы ваши познания в местной флоре?

Грегори поднял голову, удивленный ее вопросом.

– Скучные. – Он, однако, не двинулся с места.

Гермиона была занята тем, что горячо уверяла мистера Бербрука в своей любви к крыжовенным пирогам, и Люси поспешила воспользоваться представившейся возможностью. Она кивком указала в сторону цветов и одновременно бросила на мистера Бриджертона настойчивый взгляд, всем своим видом давая понять: «Немедленно следуйте за мной».

На мгновение его лицо приняло озадаченное выражение, но потом он быстро все понял и встал.

– Леди Люсинда, позвольте рассказать вам то малое, что мне известно об окружающей среде?

– Это было бы замечательно, – ответила Люси, возможно, с излишним рвением.

Гермиона тут же устремила на него подозрительный взгляд. Однако Люси знала, что она не пожелает к ним присоединиться, – ведь тогда мистер Бриджертон получил бы основание считать, будто ей приятно его общество.

Итак, Гермиона останется с мистером Бербруком и пирогом. Люси пожала плечами. Что ж, это справедливо.

– Вот это, насколько мне известно, маргаритка, – говорил мистер Бриджертон, когда они шли по лужайке. – А вот тот синий, на длинном стебле... Вообще-то я не знаю, как он

называется.

– Дельфиниум, – деловито произнесла Люси. – Должна вас предупредить, что я позвала вас вовсе не для того, чтобы поговорить о цветах.

– Ну, у меня было некоторое подозрение.

Люси решила не обращать внимания на его тон.

– Я хотела бы дать вам кое-какой совет.

– Вот как... – протянул мистер Бриджертон, причем отнюдь не с вопросительной интонацией.

– Вот так.

– И в чем же заключается ваш совет?

Люси не могла облечь свой ответ в какую-то иную форму, поэтому посмотрела мистеру Бриджертону в глаза и без обиняков заявила:

– Вы все делаете неправильно.

– Прошу прощения? – напряженным голосом, проговорил он.

Люси с трудом подавила стон. Ну вот, ранила его гордость, и теперь он станет несносным.

– Если вы хотите завоевать сердце Гермионы, – сказала она, – вам придется вести себя по-другому.

Мистер Бриджертон устремил на нее взгляд, который можно было назвать чуть ли не пренебрежительным.

– Я вполне в состоянии ухаживать.

– Да... за другими дамами, в этом я уверена. Но Гермиона отличается от них.

Он продолжал молчать, и Люси поняла, что идет в правильном направлении. Он тоже считает Гермиону другой – иначе он не прикладывал бы столько усилий.

– Все делают то же самое, что и вы, – объяснила она, оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что ни у Гермионы, ни у мистера Бербрука нет намерений присоединиться к ним. – Все до одного.

– Джентльмену всегда приятно слышать, как его сравнивают со стадом, – съехидничал мистер Бриджертон.

У Люси имелась масса вариантов ответа на это, однако она не стала удаляться от главной темы и сказала:

– Вы не должны действовать, как все остальные. Вам нужно чем-то выделиться.

– И что же вы предлагаете?

Она набрала в грудь побольше воздуха. Вряд ли ему понравится ответ.

– Вы должны прекратить демонстрировать свою... увлеченность. Перестаньте обращаться с ней как с принцессой. А вообще-то с вашей стороны было бы лучше оставить ее в покое на несколько дней.

На его лице отразилось недоверие.

– И допустить, чтобы на нее набросились остальные джентльмены?

– Они и так набросятся, – будничным тоном ответила Люси. – Вы с этим ничего не сможете поделать.

– Замечательно.

Люси упорно стремилась к своей цели.

— Если вы отойдете в сторону, Гермione станет любопытно почему. — Мистер Бриджертон все еще сомневался, поэтому она продолжила: — Не беспокойтесь, она поймет, что вы ею интересуетесь. Господи, да надо быть полной дурой, чтобы после сегодняшнего этого не понять.

Мистер Бриджертон нахмурился, а Люси с трудом верилось, что она ведет такой откровенный разговор с едва знакомым мужчиной. Но безнадежные ситуации требуют отчаянных мер... или отчаянных речей.

— Она поймет, обещаю вам. Гермione очень умная. Только не все, кажется, это замечают. Многие мужчины не способны заглянуть ей в душу.

— Я с удовольствием изучил бы ее интеллект, — тихо проговорил мистер Бриджертон.

Что-то в его тоне потрясло Люси. Она подняла голову, заглянула ему в глаза, и у нее появилось странное ощущение, будто она находится где-то еще, и он находится там же, и мир растворяется вокруг них.

Он сильно отличался от всех знакомых ей мужчин. Она не понимала, чем именно, просто знала, что он обладает чем-то бóльшим. Чем-то особенным. Чем-то, что вызывает у нее сосущую боль где-то глубоко в груди.

И в это мгновение ей показалось, что она сейчас заплачет.

— Леди Люсинда?

Она слишком долго молчала, что было очень нехарактер-

но для нее, и...

— Она этого не допустит, — вдруг выпалила она. — Изучать ее интеллект. Но вы можете... — Люси поморгала, чтобы прояснить зрение, и зафиксировала свой взгляд строго на кустике маргариток, купавшемся в лучах солнца. — Вы можете убедить ее другим способом — уверена, у вас получится, если хватит терпения и если не отступитесь.

Он заговорил не сразу, и некоторое время тишину нарушал лишь шелест ветра, — наконец тихо спросил:

— Почему вы мне помогаете?

Люси решила посмотреть на него и с облегчением обнаружила, что на этот раз земля осталась у нее под ногами. Она снова была собой — оживленной и практичной до крайности, без какого-либо сумасбродства в голове. А перед ней стоял просто еще один джентльмен, претендующий на руку Гермiony.

Все было нормально.

— Либо вы — либо мистер Эдмондс, — ответила Люси.

— Значит, вот так его зовут, — пробормотал мистер Бриджертон.

— Это секретарь ее отца, — объяснила Люси. — Он неплохой человек, и я не думаю, что его привлекают только ее деньги, но любому глупцу видно, что вы — лучшая партия.

Мистер Бриджертон склонил голову набок.

— Почему, интересно, все это выглядит так, будто вы только что назвали мисс Уотсон глупой?

Люси устремила на него твердый взгляд.

— Никогда не смейте подвергать сомнению мою преданность Гермione. Вряд ли я... — Она оглянулась на Гермione и, удостоверившись, что та не смотрит в их сторону, продолжила значительно тише: — Вряд ли я могла бы любить ее сильнее, даже если бы она была моей родной сестрой.

Надо отдать должное мистеру Бриджертону — он почти-тельно поклонился Люси и сказал:

— Я обидел вас. Приношу свои извинения.

Люси судорожно сглотнула и кивнула. У мистера Бриджертона был такой вид, будто он имел в виду именно то, что сказал, и это слегка успокоило ее.

— Гермione значит для меня слишком много, — призналась она.

Люси вдруг подумала о жизни в доме своего дяди-опекуна Роберта Абернети, который исполнял долг по отношению к своим подопечным, но при этом всегда оставался холодным и недружелюбным. Она вспомнила долгие одинокие прогулки, бесконечное чтение книг в одиночестве, одинокие завтраки, обеды и ужины — ведь дядя Роберт никогда не изъявлял желания сесть за стол вместе с ней. Когда он сообщил Люси, что она будет учиться у мисс Мосс, ее первым порывом было броситься ему на шею и закричать от счастья.

Не сделала она этого потому, что вообще ни разу не обнимала его за те семь лет, что он был ее опекуном. К тому же в тот момент он сидел за своим письменным столом и сразу

сосредоточился на бумагах, лежавших перед ним, тем самым давая Люси понять, что она может идти прочь.

Приехав в школу, она с головой ушла в новую для нее студенческую жизнь. Она наслаждалась каждым мгновением. Радовалась даже тому, что рядом были люди, с которыми можно поговорить.

В первый год обучения в школе ее поселили в одну комнату с Гермионой, и их дружба началась практически мгновенно. К исходу первого дня обе уже покатывались со смеху и болтали без устали, как будто знали друг друга всю жизнь.

Гермиона заставляла ее чувствовать себя... лучше. Не их дружба как таковая, а осознание того, что они подруги. Люси нравилось быть чьей-то близкой подругой. И, конечно, нравилось иметь близкую подругу. Однако больше всего радости ей доставляла мысль, что на свете нашелся человек, который посчитал ее лучшей.

Это добавляло ей уверенности в себе. И ощущения уюта.

Все было именно так, как описал мистер Бриджертон, когда рассказывал о своей семье.

Люси знала, что может положиться на Гермиону. И Гермиона то же самое знала про нее. И Люси сомневалась, что в мире существует кто-то еще, о ком она могла бы так сказать.

Люси заставила себя вернуться к настоящему и посмотрела на мистера Бриджертона. Он спокойно стоял и разглядывал ее с вежливым любопытством. Люси почему-то охватила странная уверенность в том, что если бы она рассказа-

ла ему обо всем – о Гермione, о брате Ричарде, о Феннсуорт-Эбби...

Он понял бы. Со стороны могло бы показаться, что вряд ли, – ведь он вырос в большой и дружной семье. Что он просто не может знать, что значит быть одиноким, когда не с кем перемолвиться словом. Но по каким-то признакам – вероятно, по его глазам, которые вдруг стали зелеными-зелеными, по его взгляду, который был буквально прикован к ее лицу...

Люси опять сглотнула. Боже, да что с ней такое? Она уже не может закончить собственные мысли!

– Я лишь желаю Гермione счастья, – с трудом выговорила она. – Надеюсь, вы понимаете это.

Мистер Бриджертон кивнул и устремил взгляд туда, где сидели остальные участники пикника.

– Давайте присоединимся к ним, – предложил он и печально улыбнулся. – Думаю, мистеру Бербруку уже удалось скормить мисс Уотсон не менее трех кусков пирога.

Люси почувствовала, как у нее внутри начинает подниматься смех.

– О господи!

Мистер Бриджертон потрясающе бесстрастным тоном произнес:

– Мы должны вернуться хотя бы ради ее здоровья.

– Вы подумаете над тем, что я вам сказала? – спросила Люси, положив руку на его подставленный локоть.

– Подумаю, – кивнул он.

Люси чуть сильнее сжала его руку.

– Я уверена во всем этом. Обещаю вам, все будет хорошо. Никто не знает Гермionу лучше меня. И никто так долго не наблюдал за тем, как джентльмены пытались завоевать ее благосклонность и при этом терпели неудачи.

Мистер Бриджертон повернул голову, и их взгляды встретились. На мгновение оба остановились, и Люси догадалась, что он оценивает ее, как бы присматривается к ней, причем делает это в такой манере, что другой человек на ее месте почувствовал бы себя неловко.

Но только не она. И в этом заключалась наибольшая странность. Он смотрел на нее так, будто мог заглянуть в самые глубины ее души, а она не испытывала ни малейшего замешательства, как раз напротив: ей было... приятно.

– Я сочту за честь воспользоваться вашим советом относительно мисс Уотсон, – сказал он, отводя от нее взгляд. – И благодарю вас за то, что предложили мне свою помощь.

И тут она поняла, что приятные ощущения улетучились.

Грегори в точности выполнил все директивы леди Люсинды. В тот вечер в гостиной, когда гости собрались перед ужином, он не подошел к мисс Уотсон. Когда все переместились в столовую, он не предпринял попыток нарушить принятые в высшем свете условности и поменаться с тем, кому выпало счастье сидеть рядом с ней. А когда джентльмены, выпив портвейна, присоединились к дамам в музыкальной комна-

те, чтобы послушать сольный фортепианный концерт, он сел в заднем ряду, хотя мисс Уотсон и леди Люсинда стояли в одиночестве и он мог бы – вероятно, на это и было рассчитано – без труда остановиться возле них и немного поболтать.

Однако Грегори твердо придерживался этой, пусть и неразумной, схемы, поэтому прошел в заднюю часть зала. Он проследил, как мисс Уотсон нашла место через три ряда впереди него, сел сам и наконец-то получил возможность беспрепятственно любоваться ее затылком.

Это превратилось бы в чрезвычайно увлекательное занятие, если бы он мог думать о чем-то другом, кроме полного отсутствия у нее интереса к нему.

Если говорить честно, отрасти он себе две головы и хвост, вряд ли он удостоился бы чего-то большего, чем вежливая полуулыбка, которой, кажется, она одаривала всех.

А Грегори не привык получать от женщин такую реакцию. Конечно, он не ожидал всеобщего обожания, но обычно, когда делал шаг навстречу, то получал лучшие результаты.

И сейчас это дьявольски раздражало.

Он наблюдал за обеими девушками, желая, чтобы они обернулись, или заерзали, или каким-то иным образом дали понять, что знают о его присутствии. Наконец, через три концерта и одной фуги, леди Люсинда медленно повернула голову.

Грегори без труда разгадал ее мысли.

«Медленно, медленно, делай вид, будто высматриваешь

кого-то у двери. Быстро стрелыми глазами на мистера Бриджертона...»

Грегори приподнял фужер, приветствуя ее.

Леди Люсинда ахнула – во всяком случае, он надеялся, что ахнула, – и поспешно отвернулась.

Он улыбнулся. Вероятно, ему не следует так радоваться ее разочарованию, но, честное слово, это единственное яркое пятно за весь вечер.

Что же касается мисс Уотсон, если она и почувствовала жар его взгляда, то ничем себя не выдала. Грегори было бы приятно думать, что она игнорирует его излишне старательно: это свидетельствовало бы о том, что она знает о его чувствах, – но когда понаблюдал, как она безучастно обводит взглядом зал, то и дело склоняясь к леди Люсинде и шепча что-то ей на ухо, он со всей отчетливостью понял, что она его отнюдь не игнорирует. Если бы она игнорировала, это означало бы, что замечает его.

А она не замечала. И в этом не было никаких сомнений.

Грегори стиснул зубы. Хотя он ни на минуту не усомнился в добрых намерениях леди Люсинды, давшей ему совет, совет как таковой оказался ужасным. Ведь он теряет драгоценное время – до отъезда гостей остается пять дней!

– У тебя скучающий вид.

Грегори повернулся. На стул рядом с ним опустилась его невестка. Она говорила тихо, чтобы не мешать зрителям.

– Сокрушительный удар по моей репутации хозяйки, – су-

хо добавила она.

– Вовсе нет, – так же тихо возразил Грегори. – Ты, как всегда, великолепна.

Кейт устремила взгляд вперед и, помолчав некоторое время, сказала:

– Она довольно красива.

Грегори не считал нужным делать вид, будто не понял, кого она имеет в виду: Кейт была слишком умна для этого, – однако это не значило, что был склонен поддерживать разговор.

– Красивая, – согласился он, тоже глядя вперед.

– Подозреваю, что ее сердце уже кому-то отдано, – продолжала Кейт. – Она не поощряет ничьих ухаживаний, и джентльмены уже устали от этого.

Грегори напрягся.

– Я слышала, что это тянется всю весну, – не унималась Кейт. Она прекрасно понимала, что раздражает Грегори, но ее это не останавливало. – Девочка не показывает никаких признаков того, что хочет сделать хорошую партию.

– Она влюблена в секретаря своего отца, – сказал Грегори.

Какой смысл держать это в тайне? Кейт все равно нашла бы способ выяснить это. Не исключено, кстати, что она сможет оказать ему какую-нибудь помощь.

– Серьезно? – Она произнесла это чуть громче и тут же принялась шепотом извиняться перед гостями. – Серьезно? – повторила уже значительно тише. – Откуда ты узнал?

Грегори уже открыл было рот, но Кейт опередила его, ответив на собственный вопрос:

– Ах да, конечно, леди Люсинда. От нее ничего не ускользает.

– Ничего, – согласился с ней Грегори.

Кейт несколько мгновений обдумывала эту новость, затем констатировала очевидное:

– Вряд ли ее родители рады этому.

– Не знаю, известно ли им.

– О боже! – Судя по возгласу, Кейт была сильно шокирована этим известием, и Грегори посмотрел на нее. Глаза невестки были широко распахнуты и ярко блестели.

– Постарайся сдержаться, – сказал он ей.

– Да я за всю весну не слышала более потрясающей новости.

Грегори устремил на нее суровый взгляд.

– Тебе надо занять себя чем-нибудь, придумать какое-нибудь хобби.

– Ах, Грегори, – сказала Кейт, слегка ткнув его локтем, – смотри, как бы любовь не превратила тебя в зануду. У тебя слишком живой характер. Ее родители никогда не позволят ей выйти за секретаря, а она не из тех, кто может решиться на бегство. Тебе нужно только немного подождать.

Грегори раздраженно вздохнул.

Кейт утешающе похлопала его по руке.

– Знаю, знаю, ты хочешь получить все сразу. Такие, как

ты, никогда не отличаются терпением.

– Такие, как я?

Она опять шлепнула его по руке, решив, что этого достаточно для ответа.

– Поверь, Грегори, – добавила она, – все это к лучшему.

– Что она влюблена в кого-то другого?

– Не сгущай краски. Я имела в виду, что у тебя появится время убедиться в прочности своих чувств к ней.

Грегори вспомнил, как начинал задыхаться, будто ему дали под дых, каждый раз, как смотрел на нее. И особенно тогда, как это ни странно, когда видел ее затылок. Он просто не представлял, на какие еще раздумья может понадобиться время. Ведь его любовь была именно такой, какой он ее представлял: всеохватывающей, внезапной и чрезвычайно ободряющей.

И одновременно почему-то сокрушительной.

– Я удивилась, когда ты не попросил посадить тебя с ней за ужином, – призналась Кейт.

Грегори бросил взгляд на затылок леди Люсинды.

– Если хочешь, я посажу вас вместе завтра, – предложила Кейт.

– Посади.

Кейт кивнула.

– Да, я... Ну вот. Концерт окончен. А теперь прояви внимание и покажи, что ты имеешь представление о вежливости.

Грегори вместе с Кейт встал и принялся аплодировать.

– А тебе хоть один концерт удалось прослушать молча, без болтовни? – спросил он, продолжая смотреть вперед.

– У меня какое-то странное отвращение к концертам, – ответила Кейт. Неожиданно ее губы сложились в озорную улыбку. – И какая-то ностальгическая любовь.

– Вот как? – На этот раз Грегори действительно стало интересно.

– Вспомни, – тихо проговорила она, упорно не глядя на него, – ты когда-нибудь слышал, чтобы я появлялась в опере?

Грегори почувствовал, как у него брови полезли на лоб. Ясно: значит, в прошлом его брата была какая-то оперная певичка. Кстати, а где же он сам? Кажется, Энтони выработал в себе удивительную способность отлынивать от большинства светских обязанностей хозяина дома. Грегори видел его лишь дважды, если не считать их беседы по его прибытии.

– А где наш блистательный лорд Бриджертон? – спросил он.

– О, где-то здесь. Не знаю. Главное, что мы найдем друг друга к концу дня. – Кейт повернулась к нему и одарила его лучезарной улыбкой. Подозрительно лучезарной. – Мне пора к гостям, – сказала она, продолжая улыбаться так, будто ничто на свете ее не заботило. – Развлекайся. – И она ушла.

Грегори слонялся по залу, переговариваясь со знакомыми и тайком наблюдая за мисс Уотсон. Она беседовала с двумя молодыми джентльменами – двумя напыщенными хлы-

щами! — а леди Люсинда скромно стояла рядом. Хотя признаков того, что мисс Уотсон флиртует с ними, не наблюдалось, она все равно оказывала им больше внимания, чем ему.

А эта леди Люсинда маячит рядышком и мило улыбается!

Грегори задумчиво прищурился. Неужели она обвела его вокруг пальца? Нет, она не из таких. Хотя они знакомы менее суток. Ведь он ее практически не знает. Не исключено, что у нее для этого были скрытые мотивы. Вполне возможно, что она замечательная актриса и под ее невинной внешностью прячутся мрачные, непостижимые тайны...

Проклятье! Так недолго и с ума сойти. Он готов спорить на последний пенс, что леди Люсинда не солжет, даже если от этого будет зависеть ее жизнь. Она солнечный и открытый человек без всяких непостижимых тайн. Она действительно желает ему добра, в этом нет сомнений.

Но вот совет она дала мерзкий!

Грегори поймал ее взгляд. Ему показалось, что на мгновение она сконфузилась и даже слегка пожала плечами.

Пожала плечами? Что, черт побери, это может означать?

Грегори пошел вперед.

Остановился.

Затем собрался сделать еще один шаг.

Нет.

Да.

Нет.

А может?..

Проклятье! Да что же ему делать? Он в растерянности. Ужасно неприятное ощущение.

Грегори снова посмотрел на леди Люсинду. Взгляд его был отнюдь не ласковым и доброжелательным. Ведь это она во всем виновата!

Но леди Люсинда, естественно, на него не смотрела.

Грегори продолжал сверлить ее взглядом.

Она обернулась. Ее глаза расширились. Встревоженно, порадовался Грегори.

Отлично. Хоть какой-то успех. Если уж у него нет возможности блаженствовать от взглядов мисс Уотсон, пусть тогда леди Люсинда помучается под его грозными взглядами.

Бывают случаи, когда следует забывать о правилах приличия и тактичности.

Грегори, стоявший недалеко от стены, наконец-то стал получать удовольствие от вечера. Было довольно забавно представлять леди Люсинду маленьким беззащитным зайчиком, не знающим, когда придет его конец.

Нет, естественно, Грегори не отводил себе роль охотника. С его «меткостью», ставшей уже предметом разговоров, он не смог бы попасть в движущийся предмет, так что хорошо, что ему не приходится самому добывать себе пищу!

Представить же себя лисой он мог без проблем.

Грегори улыбнулся, и впервые за весь вечер его улыбка была радостной.

А потом, когда леди Люсинда, извинившись, по каким-то

своим делам удалилась через дверь в оранжерею, он понял, что судьба повернулась к нему лицом. Он стоял в дальнем конце зала, поэтому никто не заметил, что он вышел через другую дверь.

Когда леди Люсинда шла мимо библиотеки, он схватил ее за руку и бесшумно затащил внутрь.

Глава 5, в которой наши герой и героиня ведут довольно занимательную беседу

Всего секунду назад Люси – она глубоко задумалась, пытаясь вспомнить, где ближайшая туалетная комната, – шла по коридору – и вдруг какая-то сила оторвала ее от пола, и она со всего маху врезалась в большое и теплое человеческое тело!

– Не кричите, – прозвучал голос. Знакомый.

– Мистер Бриджертон?

Господи, это на него не похоже! Люси даже не знала, стоит ей пугаться или нет.

– Нам нужно поговорить, – сказал он, выпуская ее руку, но дверь запер, а ключ спрятал в карман.

– Сейчас? – удивилась Люси. Комната была освещена слабо, но, оглядевшись, девушка поняла, что находится в библиотеке. – Здесь? – Затем она задала более уместный вопрос: – Наедине?

Мистер Бриджертон нахмурился.

– Я не собираюсь домогаться вас, если именно это вас беспокоит.

Люси стиснула зубы. Она и не думала, что он на такое способен, просто его обещание вести себя достойно прозвучало

скорее как оскорбление.

– Тогда в чем дело? – недовольно осведомилась она. – Если меня застанут в вашем обществе, будут большие неприятности. Я же практически обручена, как вы знаете.

– Знаю, – ответил мистер Бриджертон специфическим тоном, как будто его тошнило от ее упоминаний о помолвке, хотя Люси точно помнила, что говорила об этом только один раз. Ну, может, два.

– В общем, я обручена, – пробурчала она, сознавая, что остроумный и колкий ответ у нее найдется только через два часа.

– Что происходит? – сердито спросил мистер Бриджертон.

– Что вы имеете в виду? – проговорила Люси, хотя прекрасно поняла его.

– Мисс Уотсон, – ответил он.

– Гермину? – Как будто существовала другая мисс Уотсон! Но этим вопросом она выигрывала время.

– Ваш совет, – заявил мистер Бриджертон, сверля ее взглядом, – оказался идиотским.

Конечно, он был прав, но тогда она надеялась, что он этого не заметит.

– К сожалению, – сказала Люси, обеспокоенно глядя на него.

Мистер Бриджертон сложил на груди руки. Жест был не очень располагающим, однако Люси вынуждена была признать, что исполнил он его мастерски. Она слышала, что ми-

стера Бриджертон считают веселым и общительным человеком, но сейчас в нем этих качеств не наблюдалось. Хорошо еще, что он не злится. Ведь не только женщины испытывают потрясение, когда понимают, что в перспективе их ждет безответная любовь.

Люси внимательнее взглядела в его лицо, и неожиданно до нее дошло, что у мистера Бриджертон нет опыта в том, как справляться с безответной любовью. Действительно, кто из женщин мог бы сказать «нет» такому мужчине!

Никто, кроме Гермiony. Но она говорила «нет» всем. Поэтому он не должен принимать ее отказ близко к сердцу.

– Леди Люсинда? – окликнул ее мистер Бриджертон, не дождавшись ответа.

– Да, это так, – проговорила она, пытаясь не обращать внимания на то, что в запертой комнате он кажется ужасно большим. – Конечно.

Мистер Бриджертон вопросительно вскинул бровь.

– Вот именно.

Взгляд Люси стал затравленным. Мистер Бриджертон произнес это слово с отеческой снисходительностью, как будто она забавляла его, но не стоила особого внимания.

Люси ненавидела этот тон.

Сделав над собой усилие, она сказала:

– Я согласна, что мой план не привел к желаемым результатам, но, признаться честно, я сомневаюсь, что что-нибудь другое могло вам помочь.

Ясно, что это было совсем не то, что желал услышать мистер Бриджертон. Люси откашлялась. Дважды. И еще раз.

– Я ужасно сожалею, – добавила она. Ей действительно было неловко, а по опыту она знала, что извинения спасают всегда, когда не знаешь, что сказать. – Я на самом деле думала...

– Вы посоветовали мне, – перебил ее мистер Бриджертон, – чтобы я игнорировал мисс Уотсон...

– Я не советовала вам игнорировать ее!

– Вы именно это и советовали.

– Нет-нет, ничего подобного. Я посоветовала вам немного умерить активность. Попытаться не показывать так явно свою одержимость.

Слово было неподходящим, но Люси это не заботило.

– Отлично, – проговорил мистер Бриджертон. Его тон из снисходительного стал покровительственным. – Если я не должен был игнорировать ее, то что конкретно, по-вашему, я должен был делать?

– Ну-у...

У Люси засвербело в затылке так, будто туда залетел целый рой агрессивных пчел. А может, это просто нервы? Она предпочла бы, чтобы это были пчелы.

Пока она размышляла над приемлемым ответом, в желудке появился и стал разрастаться ледяной ком, и это ощущение ей совсем не нравилось.

– Только не предлагайте то, что я уже сделал, – добавил

мистер Бриджертон.

– Я не знаю, – пробормотала Люси. – У меня нет большого опыта в подобных делах.

– И все же ответьте мне.

– В общем, мой план стоило бы попробовать, – наконец сказала она. – Господь свидетель, ваш собственный план успеха вам не принес.

Губы мистера Бриджертона сжались в тонкую линию, и Люси, догадавшись, что задела его за живое, позволила себе удовлетворенно улыбнуться. Она никогда не была склонна к злорадству, но нынешняя ситуация была особенной, и она не смогла отказать себе в удовольствии поздравить себя. Держи себя королевой – и, возможно, с тобой станут обращаться как с королевой.

– У вас есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

– Ну, – начала Люси, убеждая себя, что мистер Бриджертон задал вопрос специально для того, чтобы услышать ответ, – думаю, суть проблемы заключается не в том, что делать, а в том, почему не помогло то, что вы делали.

Он ошеломленно моргнул.

– Еще никто никогда не разочаровывался в Гермионе, – пояснила Люси с некоторым нетерпением в голосе. – Видя ее безразличие, мужчины только удваивают усилия. Честное слово, это лишь усложняет дело.

На лице мистера Бриджертона появилось выражение обиды.

– Прошу прощения?

– Это не о вас, – поспешно заверила его Люси.

– Это для меня огромное облегчение.

Люси следовало бы обидеться на его сарказм, но она не смогла, потому что ей очень нравилось его чувство юмора, так похожее на ее собственное.

– Как я уже говорила, – продолжила она, так как никогда не любила уходить в сторону от главной темы, – никто ни разу не признал поражения и не переключил свое внимание на более достижимую даму. Когда мужчины понимают, что ее добиваются все, они буквально сходят с ума. Как будто она выигрышный приз.

– Но не для меня, – тихо проговорил мистер Бриджертон.

Люси внимательно взгляделась ему в лицо и вдруг осознала, что именно он имеет в виду: Гермiona для него гораздо больше, чем приз, она очень много значит для него, он действительно любит ее. Люси не понимала, почему так произошло и каким образом: ведь он был едва знаком с ее подругой. А Гермiona не проявляла особой тяги к общению – она всегда так вела себя с джентльменами, которые ухаживали за ней. Но, как выясняется, для мистера Бриджертона важен внутренний мир женщины, а не привлекательная внешность. Во всяком случае, ему кажется, что это так.

Люси медленно кивнула, анализируя только что сделанное открытие.

– Я полагала, что, если кто-нибудь по-настоящему прекра-

тит увиваться за ней, ее, вероятно, это заинтригует. Дело не в том, – поспешно заверила она мистера Бриджертона, – что Гермiona воспринимает внимание джентльменов как должное. Как раз наоборот. По большей части это для нее досадная неприятность.

– Ваша лесть не знает границ. – Он улыбнулся – чуть-чуть, – когда произнес эти слова.

– Я никогда не была искусным льстецом, – призналась Люси.

– Вероятно.

Она усмехнулась. Он не хотел обидеть ее, и она не будет воспринимать его слова как оскорбление.

– Она передумает.

– Вы так считаете?

– Да. Ей придется. Гермiona – романтик, но она прекрасно понимает, как устроен мир. Глубоко в душе она знает, что не может выйти за мистера Эдмондса. Что это просто неосуществимо. Родители откажутся от нее или по крайней мере пригрозят ей, а она не из тех, кто готов идти на риск.

– Если она действительно любит, – негромко проговорил мистер Бриджертон, – то вполне могла бы и пойти.

Люси застыла. В его голосе было что-то жесткое, властное. И от этого у нее по спине побежали мурашки, ее буквально пригвоздило к месту.

Но она должна была задать вопрос: должна, и все, – ей важно было узнать.

– А вы? – прошептала она. – Вы рискнули бы всем?

Мистер Бриджертон не пошевелился, но в его глазах вспыхнул огонь. И он ни секунды не колебался:

– Рискнул бы.

У Люси приоткрылись губы. От удивления? От благоговейного восторга? Или от чего-то другого?

– А вы? – спросил мистер Бриджертон.

– Я... я не знаю, – помотала головой Люси.

У нее вдруг возникло странное ощущение, будто она совсем не знает себя. Ведь, по сути, это был простой вопрос. Был бы простым несколько дней назад. Тогда она ответила бы: «Естественно, нет», – и добавила бы, что слишком практична для подобной чепухи.

А еще она наверняка заявила бы, что такой любви не существует.

Однако что-то изменилось, и она не понимала, что именно. Что-то сдвинулось у нее внутри и лишило ее душевного равновесия, наполнило неопределенностью.

– Я не знаю, – повторила она. – Вероятно, это зависело бы от многого.

– От чего? – Его голос зазвучал тише. Он звучал до невозможности тихо, но Люси слышала каждое слово.

– От... – Она не знала. Ну откуда ей знать, от чего это может зависеть? Ей вдруг показалось, что она заблудилась, что земля ушла из-под ног, что... что... и неожиданно слова нашлись, легко сорвались с ее губ: – От любви, наверное.

– От любви?

– Да.

Боже, до чего же трудный разговор! Неужели люди действительно обсуждают подобные вещи? И есть ли хоть какие-то ответы на эти вопросы?

У Люси неожиданно сдавило горло, и она почувствовала себя страшно одинокой в своем незнании. Он знает, Гермiona знает, все поэты утверждают, что знают. Такое впечатление, что она – единственная на свете пропащая душа, единственный человек, который не понимает, что такое любовь, который сомневается в ее существовании или, если она существует, в том, что придет именно к нему.

– От того, как она влияет, – наконец нарушила тишину Люси (просто потому, что не знала, что еще сказать). – От того, как влияет любовь. На человека.

Его глаза встретились с ее глазами.

– Вы думаете, есть варианты?

Люси не ожидала нового вопроса. Она еще размышляла над предыдущим.

– Того, как влияет любовь? – уточнил мистер Бриджертон. – Вы думаете, на разных людей любовь влияет по-разному?

Люси не знала, что ответить.

– А вы? Если вы полюбите кого-то искренне и глубоко, разве для вас она не будет значить... все?

Мистер Бриджертон отвернулся и сделал несколько шагов

к окну.

– Она поглотит вас, – сказал он. – А разве может быть иначе?

Люси тарасилась ему в спину, зачарованная красотой его плеч, ширину которых подчеркивал мастерски сшитый фрак. Как это ни странно, но она никак не могла отвести взгляд от той точки, где его волосы касались воротника.

Она едва не подпрыгнула, когда он повернулся.

– И у вас не будет ни малейшего сомнения. – Его голос звучал глухо и напряженно, был наполнен силой его веры. – Вы все сразу поймете. Вы почувствуете себя так, будто все ваши мечты осуществились. А потом вам станет еще лучше.

Он сделал шаг в ее сторону. Потом еще один. И еще один. И еще. И сказал:

– Вот так, думаю, чувствует себя тот, кто любит.

В этот момент Люси поняла, что ей не суждено испытать это чувство. Если она существует – если любовь существует в том виде, как ее описал Грегори Бриджертон, – то ее она не ждет. Ей было трудно представить такой вихрь эмоций. И вряд ли он ей понравился бы. Вот это она знала наверняка. Ей совсем не хотелось быть подхваченной этой стихией и оказаться во власти чего-то, что ей неподвластно.

Ей не хотелось страдать. Ей не хотелось испытывать отчаяние. И если ради этого нужно отказаться от блаженства и восторга – что ж, пусть будет так.

Важность размышлений заставила Люси затаить дыхание.

Наконец она посмотрела на мистера Бриджертона.

– Это уж слишком, – услышала она собственный голос. – Это было бы слишком. Я бы... Я бы...

Он медленно покачал головой.

– У вас не останется выбора. Это будет вне вашей власти. Это просто... случится...

У Люси от удивления приоткрылись губы.

– Она так и сказала.

– Кто?

Когда Люси заговорила, ее голос зазвучал до странного беспристрастно, как будто не она произносила слова, а они сами истекали из ее памяти.

– Гермiona, – ответила она. – Именно это Гермiona сказала о мистере Эдмондсе.

Губы мистера Бриджертона сжались, а уголки рта опустились.

– Действительно?

Люси кивнула.

– Почти дословно. Она сказала, что это с ней просто случилось. В одно мгновение.

– Она именно так и сказала?

Его голос казался безжизненным, как эхо. И действительно, ему просто больше ничего не оставалось – только шептать глупые вопросы, искать подтверждения, надеяться на то, что ослышался и что она сейчас даст ему совершенно другой ответ.

Но, естественно, другого ответа она не дала. Грегори ощутил пустоту в груди, горло сдавил спазм. Это было совсем не то, что он хотел услышать, напротив: это было именно то, чего он слышать совсем не хотел.

Она подняла голову, и ее глаза, серые в ночном полумраке, встретились с его глазами. И вдруг ему показалось, что он отлично понимает ее, знает, что она сейчас скажет и какое у нее будет выражение лица, когда она это скажет. Это было странное ощущение, пугающее и, что самое главное, опечаливающее, потому что все это касалось не высокочтимой мисс Уотсон, а леди Люсинды Абернети. И она не являлась той самой женщиной, с которой он намеревался прожить до конца дней.

Она довольна красива, очень умна и более чем привлекательна. Но Люси Абернети не для него. Грегори едва не расхохотался. Насколько было бы проще, если бы его сердце при первой встрече потянулось к ней. Пусть она практически обручена, но не влюблена же. В этом Грегори не сомневался.

А Гермiona Уотсон...

– Что она сказала? – спросил он, страшась ответа.

Леди Люсинда склонила голову набок. У нее был озадаченный вид.

– Она сказала, что даже не видела его лица. Только затылок...

«Только затылок».

– ...а потом он повернулся, и для нее зазвучала музыка, и

у нее в голове билась только одна мысль...

«Я погиб».

– ...«Я погибла». Вот что она мне сказала. – Люси с любопытством взглянула на мистера Бриджертона. – Вы представляете? Она погибла! Надо же. Просто в голове не укладывается.

А у него укладывалось. Отлично укладывалось.

Все было ясно.

Грегори посмотрел на леди Люсинду и увидел, что она наблюдает за ним. Она все еще выглядела озадаченной, и озабоченной, и немного смущенной, когда спросила:

– Вам не кажется это странным?

– Кажется.

Произнесено было лишь одно слово, но в нем заключалась вся боль души. Потому что это действительно было странно. И резало как ножом. Ведь предполагалось, что такие чувства она будет испытывать только к нему, больше ни к кому.

Все шло не так, как предполагалось.

Неожиданно, как будто сбросив с себя чары, леди Люсинда сделала несколько шагов вправо, взгляделась в книги – правда, вряд ли смогла прочитать в темноте хоть одно название – и провела рукой по корешкам.

Грегори, сам не зная почему, следил за ее рукой. Просто следил за тем, как рука скользит, и пришел к выводу, что она очень изящная. В глаза это не бросалось, потому что вся внешность леди Люсинды была цветущей и традицион-

ной. Элегантность же, как все ожидают, должна мерцать, как шелк, излучать свет и ошеломлять. Элегантность – это орхидея, а не обычная маргаритка.

Но когда леди Люсинда начинала двигаться, она преобразалась. Казалось, что она... летит.

Она отлично танцует – в этом Грегори не сомневался, хотя не понимал, почему это имеет для него такое значение.

– Я сожалею, – сказала она, поворачиваясь.

– О мисс Уотсон?

– Да. Я не хотела причинять вам страдания.

– А вы и не причинили, – возможно, чуть резче, чем следовало бы, сказал Грегори.

– О! – Она заморгала – вероятно, от удивления. – Что ж, очень рада – я не хотела делать вам больно.

Грегори понял, что действительно не хотела: она не из таких.

Ее губы приоткрылись, но она не заговорила. Ее взгляд сосредоточился на чем-то за его спиной, как будто она искала там правильные слова.

– Просто дело в том... В общем, когда вы стали говорить о любви, – начала она, – мне послышалось что-то знакомое. Я даже не сразу поняла.

– А уж я тем более, – тихо произнес Грегори.

Леди Люсинда молчала, не глядя на него. Ее губы были сжаты – неплотно, – и она то и дело моргала. Не взволнованно, с трепетом ресниц, а вполне спокойно.

– И что вы будете делать дальше? – спросила она.

– С мисс Уотсон?

Она кивнула.

– А что бы вы предложили?

– Не знаю, – ответила она. – Я могу поговорить с ней от вашего имени, если хотите.

– Не хочу.

Во всей этой ситуации было слишком много ребяческого. Грегори только сейчас начал чувствовать себя полноценным мужчиной, взрослым и решительным, готовым к тому, чтобы добиваться успеха.

– Вы можете подождать, – предложила леди Люсинда, слегка пожав плечами. – Или пойти вперед и еще раз попытаться завоевать ее. У нее еще целый месяц не будет возможности видаться с мистером Эдмондсом, и я думаю... что со временем... она вдруг поймет...

Однако она не закончила. А Грегори стало интересно.

– Что поймет? – требовательным тоном спросил он.

Леди Люсинда посмотрела на него так, будто ее неожиданно выдернули из грез.

– Что вы... что вы... ну, что вы значительно лучше остальных. Не знаю, почему она этого не видит. Это же очевидно.

Из уст любой другой женщины это прозвучало бы странно, возможно даже – развязно, с жеманным намеком на будущие отношения, но только не из ее уст. Она была лишена притворства, она принадлежала к тем, кому мужчина может

доверять.

Как и его сестры, решил Грегори, она наделена живым умом и остроумием. Люси Абернети никогда не вдохновит на стихотворчество, но зато из нее получится отличный товарищ.

– Это обязательно произойдет, – тихо, но убежденно сказала она. – Она поймет. Вы... и Гермiona... Вы будете вместе. Я в этом уверена.

Пока она говорила, Грегори наблюдал за ее губами. Он не знал, почему у него вызвала интерес их форма... то, как они двигаются, складываясь для произнесения гласных и согласных. Это были обычные губы: ничто в них прежде не привлекало его внимания, – но сейчас, в полумраке библиотеки, когда тишина нарушается лишь легким шорохом их голосов...

Ему стало интересно, каково это – целовать ее.

Он попятился, на него навалилось внезапное и всепоглощающее ощущение нелогичности происходящего.

– Нам пора возвращаться, – резко проговорил он.

В ее глазах промелькнула обида. Проклятье! Он не хотел, чтобы его слова прозвучали так, будто он спешит отделаться от нее. Она ни в чем не виновата. Просто он устал. И разочарован. А она рядом. И ночь темна. И они одни.

И это не было желанием. Просто не могло быть. Он всю жизнь ждал, когда ему выпадет счастье отреагировать на женщину так, как он отреагировал на Гермionу Уотсон. И

после такого он просто не может испытывать желание к другой женщине. Ни к леди Люсинде, ни к какой-то иной.

Другие женщины не могут что-то значить для него.

И леди Люсинда – тоже.

Нет, это несправедливо. Она – личность. И достойная. Но не для него.

Глава 6, в которой наш герой делает кое-какие успехи

Господи, да что такого она сказала?

Эта единственная мысль билась в голове Люси, лежавшей в кровати с открытыми глазами. Она была охвачена таким ужасом, что боялась даже шевелиться. Она лежала на спине и таращилась в потолок, неподвижная, подавленная.

На следующее утро, посмотревшись в зеркало и увидев синие круги под глазами, она устало вздохнула, и тут все началось сначала...

«О, мистер Бриджертон... вы значительно лучше остальных».

– Люси Абернети, – пробормотала она себе под нос, – ты глупая корова.

– Ты что-то сказала? – Гермiona, стоявшая у кровати, повернулась к ней.

– Просто складываю в уме, – солгала Люси, которая уже взялась за дверную ручку, чтобы спуститься вниз к завтраку.

Люси всегда говорила, что она что-то складывает и умножает в уме, когда Гермiona ловила ее на том, что та беседует сама с собой.

– Ты готова идти вниз? – спросила Люси.

Вот про нее, что она готова, сказать было нельзя. Мень-

ше всего на свете ей хотелось видеть кого-либо. В частности, естественно, мистера Бриджертон, и мысль, что нужно общаться с людьми, пугала.

Девушки направились к лестнице. Неожиданно Гермиона с любопытством посмотрела на подругу и спросила:

– Что с тобой, Люси? Ты выглядишь как-то странно.

Люси подавила желание рассмеяться. Она не выглядит. Она на самом деле такая. Она полная идиотка, которую нельзя подпускать к людям.

Господи, неужели она сказала Грегори Бриджертону, что он лучше остальных?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.